

Бібліотека приключень

D. Дефо

РОБИНЗОН КРУЗО

Даниэль Дефо
Робинзон Крузо

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1719

ББК 84.4ВЕЛ

Дефо Д.

Робинзон Крузо / Д. Дефо — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1719

ISBN 978-966-14-7439-9

В этой книге рассказывается о приключениях отважного моряка Робинзона Крузо, который, чудом выжив после кораблекрушения, оказался на необитаемом острове и провел там двадцать восемь лет. За это время Робинзон понял, что голод, бедность и лишения – мелочи по сравнению с вынужденным одиночеством и что лишь надежда на спасение и упорный труд помогают человеку в борьбе за выживание.

ББК 84.4ВЕЛ

ISBN 978-966-14-7439-9

© Дефо Д., 1719
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1719

Содержание

Гимн разуму и стойкости	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	37
Глава 12	39
Глава 13	41
Глава 14	44
Глава 15	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Даниэль Дефо

Робинзон Крузо

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010

* * *

Гимн разуму и стойкости

Английский писатель Даниэль Дефо (1651–1731) прожил бурную жизнь. С ранней юности его преследовали невзгоды, но он с удивительным упорством боролся с судьбой. Этот неудачливый торговец и путешественник на рубеже XVIII века стал одним из первых профессиональных журналистов в Англии, а также издателем влиятельных газет.

Даниэль Дефо знал взлеты и падения, был богат и беден, придворные интриги довели его до тюрьмы и позорного столба. Но он продолжал писать и печатать книги, брошюры, статьи, памфлеты и поэмы. Дефо создал более четырехсот произведений. Многие из них почти забыты, некоторые даже не сохранились, но главный труд писателя – «Жизнь и необыкновенные приключения Робинзона Крузо» – пережил его на столетия. Рассказ о молодом человеке, заброшенном на необитаемый остров и сумевшем остаться в живых, заворожил современников.

То было удивительное время – завершалась эпоха великих географических открытий. В поисках новых торговых путей европейские купцы и мореплаватели открыли и обследовали Центральную и Южную Америку, побережье Северной Америки и Австралии, сотни больших и малых островов. Географические открытия стали причиной не только бурного развития торговых связей, но и войн между государствами, соперничавшими из-за колоний – заморских владений.

Огромный новый мир был еще далеко не исследован – географические карты того времени пестрели «белыми пятнами». Поэтому книги о путешествиях пользовались огромной популярностью.

Книга о Робинзоне Крузо – не путевые записки и не воспоминания, а литературный вымысел. Считается, что в ее основе лежит история моряка по имени Александр Селькирк, который после ссоры со своим капитаном был высажен на необитаемом острове Мас-а-Тьерра у берегов Чили, где и провел больше четырех лет. За эти годы Селькирк забыл родной язык и превратился в настоящего дикаря.

И в этом, пожалуй, главное отличие моряка от героя Дефо. За двадцать восемь лет одинокой жизни среди девственной природы Робинзон Крузо не только сохранил все качества цивилизованного человека, но и обустроил остров и обрел верного друга Пятницу.

Едва увидело свет первое издание «Приключений Робинзона», как спустя две недели появилось второе, а за ним последовали все новые и новые, несмотря на то что книга стоила пять шиллингов – на эти деньги в то время можно было купить неплохого коня. И это было только начало. С тех пор вышли сотни изданий почти на всех языках мира, миллионы людей прочитали историю, выдуманную писателем, а имя Робинзон стало нарицательным.

Даниэль Дефо поставил вопрос: как поведет себя человек, оторванный от общества, от друзей и близких, когда ему не на кого рассчитывать, кроме самого себя? А ответом послужил созданный им бессмертный образ, соединивший в себе лучшие человеческие качества – мужество, стойкость, изобретательность и способность ни при каких обстоятельствах не терять надежды.

И сегодня, четыре столетия спустя, каждый читатель невольно ставит себя на место Робинзона Крузо и задается вопросом: а смог бы и я пройти такие испытания и сохранить человеческое достоинство?

Глава 1

Робинзон Крузо

Отец мой был родом из Бремена. Нажив торговлей хорошее состояние, он перебрался в Англию, где и женился на моей матери, происходившей из почтенного семейства Робинзонов. Я родился в 1632 году в городе Йорке; мне дали имя Робинзон, фамилию же отца – Крейцнер, но, следуя обычаю англичан упрощать иностранное звучание, переделали в Крузо. У меня уже были сестры и два старших брата, судьба которых сложилась печально, хотя наш дом считался одним из самых благополучных. Старший брат дослужился до подполковника в Английском пехотном полку и был убит под Дюнкирхеном в сражении против испанцев. Что случилось с другим, мне мало известно – я запомнил лишь его смутный образ, мелькнувший и пропавший в моем детстве.

Я был поздним ребенком моих добрых родителей, и стареющий отец постарался дать мне образование, которое можно приобрести, воспитываясь дома или посещая обычную школу. Удрученный выбором военной профессии старшего сына и беспокойным характером среднего, он очень хотел, чтобы я стал адвокатом, однако мне ничто не нравилось, кроме морских путешествий. Слишком рано я начал мечтать о дальних странствиях, и эта страсть, несмотря на просьбы моей матери одуматься и вопреки желанию моего отца, с возрастом только усилилась. Я тогда и не догадывался, куда она меня приведет.

Отец, человек рассудительный и благоразумный, в надежде повлиять на мой выбор однажды утром пригласил меня к себе в комнату и неожиданно горячо заговорил со мной. Какая причина, кроме пагубной склонности к путешествиям, понуждает меня оставить родину и отчий дом?

– Только искатели приключений, люди, стремящиеся к легкой наживе, – продолжал он, – люди, не способные к ежедневной работе, или честолюбцы пускаются в авантюры и ищут сомнительной славы. Безрассудство не украшает человека, оно противоречит норме. Опыт моей жизни показал, что лучшее положение в свете связано с благополучием человека. В нем реже случаются болезни, телесные и душевные мучения, оно лишено роскоши и пороков; спокойствие и скромный достаток – верные спутники счастливой середины...

Я молча его слушал.

– Прекрати наконец-то ребячиться, – говорил отец. – Остепенись. Ты не нуждаешься в куске хлеба, окружен вниманием и любовью, мы все желаем тебе только добра. Однако если ты все же поступишь по-своему и не будешь счастлив, пеняй на себя, на свои ошибки – вот мое предупреждение. Если ты все-таки решишь остаться с нами и прислушаешься к моим советам,

я готов сделать для тебя многое. Ведь у меня все время болит сердце при мысли о твоей гибели, принимать участие в которой я не намерен...

Мне стало искренне жаль отца; я был уже готов отказаться от своей мечты и остаться в родительском доме, но вскоре благие намерения испарились, как роса на солнце, и несколько недель спустя я решился тайком бежать!

Но сомнения не покидали меня, и однажды, заметив, что мать моя в хорошем настроении, я, уединившись с ней, шепнул:

– Матушка, желание странствий во мне настолько сильно, что я ни на чем другом не могу сосредоточиться. Для отца было бы гораздо лучше, если бы он согласился с моими планами и дал согласие на их осуществление. Он не ставил бы меня в положение неблагодарного сына. Мне восемнадцать лет и поздно уже идти в ученики к купцу или писарем к стряпчему; я уверен, что, даже если сделаю это, непременно нарушу условие, покину хозяина и сяду на первый попавшийся корабль. Если вы пожелаете замолвить за меня словечко перед отцом, чтобы он сам отпустил меня в дальнейшее путешествие, то я вскоре вернусь домой и больше не тронусь с места. Обещаю заслужить ваше прощение двойным прилежанием за все потерянное время.

Мать выглядела растерянной и обеспокоенной.

– Это совершенно невозможно, – воскликнула она, – твой отец никогда не пойдет тебе навстречу! Не проси, я ни за что не стану говорить с ним. И не только потому, что ты упрямисься даже после вашей беседы, но еще и по причине полного моего согласия с его взглядом на твою жизнь. Я тебя не поддерживаю и не хочу, чтобы про меня говорили, что я благословила гибельное предприятие, которое не по душе моему мужу.

Позже я узнал, что она все дословно пересказала отцу.

– Наш сын, – горестно вздохнул он в ответ, – мог быть счастливым, оставшись с нами. Если парень отправится рыскать по миру, то не только потеряет тепло родного гнезда, но вдобавок приобретет кучу бед и неприятностей. Я никогда с этим не смирюсь!

И все же я не терял надежды и постоянно отказывался от предложений заняться чем-то более существенным, чем бесплодные фантазии. Я пытался доказать своим родителям невозможность каких-либо перемен в себе. Но прошел еще год, прежде чем мне удалось вырваться из дома...

Как-то раз один мой давний приятель, плывший в Лондон из Гуля на корабле своего отца, уговорил меня отправиться с ним. Меня соблазнили расхожей приманкой всех моряков: он предложил доставить меня в столицу даром. Я тут же согласился и, не спрашивая позволения родителей, не известив их даже намеком, первого сентября 1651 года взошел на борт своего первого в жизни корабля. Теперь мне кажется, что это был скверный поступок: я, словно бродяга, покинул престарелого отца и добрую мать и нарушил сыновний долг. И очень скоро мне пришлось в этом горько раскаяться!

Едва корабль вышел в открытое море, как поднялся ураганный ветер и началась сильнейшая качка. Это ошеломило такого новичка в морском деле, каким тогда был я, – у меня кружилась голова, палуба уходила из-под ног, к горлу подступала тошнота. Мне казалось, что мы вот-вот потонем. Я едва не терял сознание и настолько пал духом, что готов был уже признать, что меня поразила кара небесная. По мере того как волнение на море усиливалось, во мне зрело паническое решение: лишь только нога моя ступит на твердую землю, тотчас вернусь в родительский дом и никогда больше не сяду на корабль.

Глава 2

Буря

Однако к вечеру море успокоилось, ветер совершенно утих и мне стало гораздо лучше. С приближением ночи погода прояснилась; слегка пошатываясь, я вышел на палубу взглянуть на закат солнца: на синей глади моря кое-где уже мерцали звезды, хотя чистое небо еще не потемнело. Мои благие намерения были тут же позабыты – я возвратился в каюту и блаженно проспал всю ночь крепким сном.

Как быстро привыкаешь к морю! На следующее утро я изумленно любовался изумрудной водной гладью, которая еще недавно казалась мне зловещей. От моей морской болезни не осталось и следа, как не осталось и недавнего малодушия. Мой бывалый приятель только посмеивался над моими вчерашними страхами.

Увы, я не чувствовал никакого раскаяния, угрызений совести или страха перед будущим. Все мои обеты, данные в минуту первых потрясений, были забыты. По обычаю моряков был приготовлен пунш, и всю последующую неделю мы с приятелем, изредка выходя насладиться чудесной погодой, провели за долгими беседами в моей каюте...

Наконец мы подошли к Ярмутскому рейду – традиционному месту сбора судов, ожидающих попутного ветра, чтобы войти в устье Темзы. Там нам предстояло пройти новое испытание. Этот рейд считался таким же безопасным, как хорошая гавань: стоило только дожждаться прилива и при содействии легкого ветра подняться вверх по реке. Якорная стоянка была удобной, корабельные снасти в отменном порядке, и мы ждали лишь случая, чтобы тронуться с места. Не предчувствуя никакой опасности, все расслабились настолько, что прозевали усиление ветра.

На восьмой день нашего плавания около полудня море потемнело и вздыбилось. Все второпях принялись за работу: команде было велено ослабить стеньги, задраить люки, держать все в исправности и приготовиться к шторму. Он налетел внезапно – носовая часть корабля то и дело погружалась в волны, черпая, словно ковшом, бурлящую воду; казалось, что якорь больше не держит судно и просто скользит по дну.

Капитан распорядился бросить дополнительный якорь, и вскоре нам удалось кое-как закрепиться. Волны бушевали все с большей яростью, я без сил лежал в матросском кубрике, мысли мои были в полном беспорядке – я считал, что все испытания позади и эта буря не будет сильнее того волнения на море, что мне довелось впервые пережить. Но когда наш обычно бодрый и уверенный капитан мимоходом заглянул ко мне и, не скрывая страха, воскликнул: «Господи, смилуйся над нами, иначе всем нам конец!» – я в панике выбежал на палубу.

Картина, открывшаяся моим глазам, была ужасной: бурлящая вода поднималась горою и без передышки обрушивалась на корабль, мокрая палуба ходила ходуном. Все вокруг скрипело и, казалось, вот-вот треснет, словно яичная скорлупа. Я вцепился в первую попавшуюся прочную перекладину и держался за нее – еще страшнее было возвращаться в каюту и оставаться там одному.

Бедствие поразило не только нас.

Корабль, стоявший в миле от нашего, уже наполовину затонул, два других, сорвавшись с якорей, были унесены в открытое море – их швыряло на волнах, как щепки. Легкие суда, стоявшие на рейде ближе к берегу и подверженные меньшим ударам стихии, уцелели, но некоторые из них сталкивались бортами. Буря продолжалась с необыкновенной жестокостью, и ничего странного не было в том, что сквозь вой ветра и грохот волн до меня то и дело доносилась ругань матросов попеременно со словами молитв...

Наш корабль был прочным, но тяжело нагруженным и сидел низко в воде; ближе к вечеру капитан принял решение срубить фок-мачту. Он долго колебался, пока боцман не сказал ему, что без этого судно непременно пойдет ко дну. Едва успели свалить за борт переднюю мачту, как зашаталась средняя, и качка корабля до того усилилась, что пришлось немедленно срубить и эту. Я так утомился, помогая матросам, что мне уже было безразлично, уцелеем мы или нет. Рухнув на койку в своей каюте, я мгновенно уснул.

Посреди ночи меня разбудили громкие крики. «Скорее к насосам!» – услышал я и обмер в испуге. Дверь каюты распахнулась, один из матросов закричал, что открылась течь и воды в трюме уже на четыре фута, и мне ничего не оставалось, как вскочить и броситься откачивать воду вместе с ними. Капитан тем временем велел стрелять из пушки, чтобы привлечь к нашей беде внимание экипажей находившихся поблизости мелких суденышек, перевозивших уголь.

Мы трудились от души, но трюм все больше заполнялся соленой водой. Казалось, что наш корабль пойдет-таки ко дну, и хотя буря начинала немного стихать, трудно было надеяться, что мы сумеем добраться до гавани. Поэтому капитан продолжал пальбу из пушки, призывая на помощь. Наконец на небольшом судне решились спустить шлюпку; с большим трудом наши спасители приблизились к нам. Матросы бросили гребцам веревку, мы подтянули шлюпку к борту корабля и перебрались в нее. Теперь нам ничего не оставалось, как изо всех сил грести к берегу, преодолевая все еще бушующие волны. Через четверть часа после того, как мы оказались в шлюпке, наш корабль затонул. Я видел это собственными глазами и должен честно признаться, что не почувствовал ничего, кроме ужаса, отвращения и страха перед будущим.

Вскоре я заметил огромную толпу, собравшуюся в гавани и глазевшую на нас, а затем под радостные и одобрительные возгласы наша шлюпка наконец-то достигла долгожданного берега.

Глава 3

Гвинейский купец

Нас встретили с теплым участием, как людей, которых постигла большая беда. Городской магистрат выделил нам помещение для жилья, а купцы и судовладельцы собрали достаточно средств, чтобы мы хотя бы первое время ни в чем не нуждались.

Почему я не одумался и сразу не возвратился в родительский дом – у меня по сей день нет ответа на этот вопрос. Наверняка я был бы счастлив, а батюшка мой, как в евангельской притче о блудном сыне, на радостях заколол бы упитанного тельца, поскольку весть о гибели нашего корабля в Ярмутской гавани дошла до него гораздо раньше, чем известие о том, что я остался жив.

Но упрямая и насмешливая судьба будто толкала меня в спину, лишая возможности поступить разумно. Жестокий урок ничему меня не научил.

Даже приятель, сманивший меня в первое мое морское путешествие, присмирел. Он уже никуда не рвался и уныло поджидал своего отца-судовладельца, чтобы поведать ему о подробностях гибели корабля. Где-то на третий день мы встретились и приятель представил меня своему отцу. Он сообщил, кто я такой, и заметил, что мое присутствие на борту корабля было всего лишь подготовкой к моим планам увидеть весь мир. Задумчиво взглянув на меня, судовладелец поинтересовался:

– Зачем вам это нужно, молодой человек?

Я горячо и бессвязно начал объяснять, однако он перебил меня возгласом:

– Я советую никогда не повторять ваш опыт! То, что с вами произошло, доказывает, что вам не суждено стать мореплавателем.

– Почему вы так думаете, сэр? – возразил я. – Разве вы не переживали крушений и после этого не садились снова на корабль?

– Это другое, – сказал он. – Я в этом деле всю жизнь, а ваша первая попытка закончилась плачевно. Учитесь читать знаки свыше и прислушиваться к голосу разума. Будь я капитаном, я ни в коем случае не взял бы вас в свою команду... Возвращайтесь домой, Робинзон! Ваш батюшка прав. Не испытывайте больше судьбу, иначе вас будут преследовать только беды и неудачи...

Мне нечего было возразить ему, но мы тепло простились, и больше я их не встречал – ни судовладельца, ни его сына. В моем кошельке оставалось немного монет, и я отправился в Лондон по суше. В пути я размышлял о том, что же мне предпринять в дальнейшем: вернуться домой или снова пуститься в странствия? Чашу весов перевесило упрямое безрассудство; кроме того, стыд заглушал самые разумные доводы в пользу возвращения: я боялся насмешек отца. В молодости люди часто не стыдятся своих проступков – им гораздо тяжелее пережить раскаяние...

Мало-помалу воспоминания о перенесенных бедствиях изгладились из моей памяти, страсть к перемене мест вспыхнула с новой силой, и меня снова потянуло в дорогу. Профессии я не имел, ловкостью и хитростью, которые необходимы для торговли, не обладал, а в море, путешествуя пассажиром, не успел обучиться матросскому ремеслу, хоть и был по природе своей физически крепким и наблюдательным человеком. Беспокойный демон, который подбил меня покинуть отчий дом, все чаще нашептывал мне на ухо сумасбродную идею обрести легкое и скорое богатство.

Вскоре я познакомился с одним симпатичным капитаном корабля, который недавно вернулся из Гвинеи после удачного рейса. Ему нравились мое общество и моя молодая горячность;

узнав, что я мечтаю повидать мир, капитан сделал мне предложение отправиться с ним по тому же маршруту.

– Вам это, – заявил он, – ничего не будет стоить. Кроме того, вы можете даже разбогатеть, занявшись торговлей, а у меня будет приятный собеседник и товарищ в путешествии. . .

Я не раздумывая принял его предложение и через некоторое время поднялся на корабль, отправлявшийся к берегам Африки. С собой я вез небольшой груз мелких товаров. На них, по совету моего нового знакомого, я потратил сорок фунтов стерлингов, и впоследствии эти товары принесли мне значительную прибыль.

Из всех приключений, выпавших на мою долю, только это плавание закончилось удачно, чему я был обязан порядочности и доброму сердцу капитана, который стал мне близким другом. Именно от него и под его руководством я приобрел некоторые сведения из навигации и практического мореходства, научился вести корабельный журнал, наблюдать за погодой и вообще узнал многое из того, что необходимо знать моряку. Кроме того, это путешествие сделало из меня купца. Я выручил за свой товар пять фунтов и девять унций золотого песка, который по возвращении в Лондон продал за триста фунтов стерлингов. Несмотря на то что я переболел жесточайшей тропической лихорадкой, подхваченной на африканском побережье, удачная сделка подстегнула мое воображение и положила начало моим новым злоключениям.

К несчастью, капитан, мой верный товарищ, в скором времени умер, и мне ничего не оставалось, как самостоятельно продолжать торговлю в Гвинее. Я отплыл из Англии на том же корабле, прихватив с собой сотню фунтов стерлингов, а то, что осталось из денег, попросил сохранить вдове моего умершего друга. Мы простились, даже не предполагая, насколько долгим и бедственным окажется мое второе торговое плавание.

Началось с того, что однажды на рассвете наше судно, державшее курс к Канарским островам, было атаковано парусником мавританских пиратов. Чтобы уйти от погони пиратов, мы мчались на всех парусах, однако удача была на стороне разбойников. Расстояние между нами стремительно сокращалось, и мы приготовились к бою.

Догнав наш корабль около трех часов пополудни, пираты совершили ошибочный маневр и подошли к нам со стороны борта; мы сразу же ударили по паруснику залпом из всех пушек, что заставило пиратов поменять курс и ответить не только пушками, но и частой ружейной пальбой. Никто из нас не пострадал, но перевес в численности и вооружении сыграл пиратам на руку – им удалось взять наше судно на abordаж. Вскоре полсотни разбойников перебрались на палубу корабля и первым делом начали рубить снасти. Невзирая на наше сопротивление,

корабль был разгромлен, трое матросов убиты, а восемь ранены, остальные взяты в плен и отправлены в Сале, морской порт на побережье Марокко, принадлежавший маврам.

Моя участь оказалась не такой горькой, как у остальных. Меня не продали в рабство и не увели вглубь страны; главарь пиратов оставил меня при себе, так как я показался ему сообразительным, ловким в работе, знал грамоту и мог ему пригодиться.

Глава 4

Невольник

Внезапная перемена обстоятельств, превратившая меня из свободного человека в жалкого раба, была потрясающей – пророчество отца сбывалось. Мой хозяин поселил меня в своем доме; я надеялся, что он снова выйдет в море, заберет меня с собой, что рано или поздно будет разбит испанцами или португальцами, попадет в плен, – и тогда я получу долгожданную свободу. Но эта надежда вскоре растаяла. Уходя в плавание, пират приказывал мне присматривать за домом, ухаживать за садом и выполнять всю черную работу, которую обычно поручают слугам. Своих правил он не менял; кроме того, по его возвращении из походов мне часто приходилось ночевать на корабле и наводить там порядок...

В течение двух лет этого рабского существования не было и дня, чтобы я не мечтал о побеге. Однако рядом со мной не оказалось никого, кто смог бы помочь мне в этом, – ни одного товарища по несчастью.

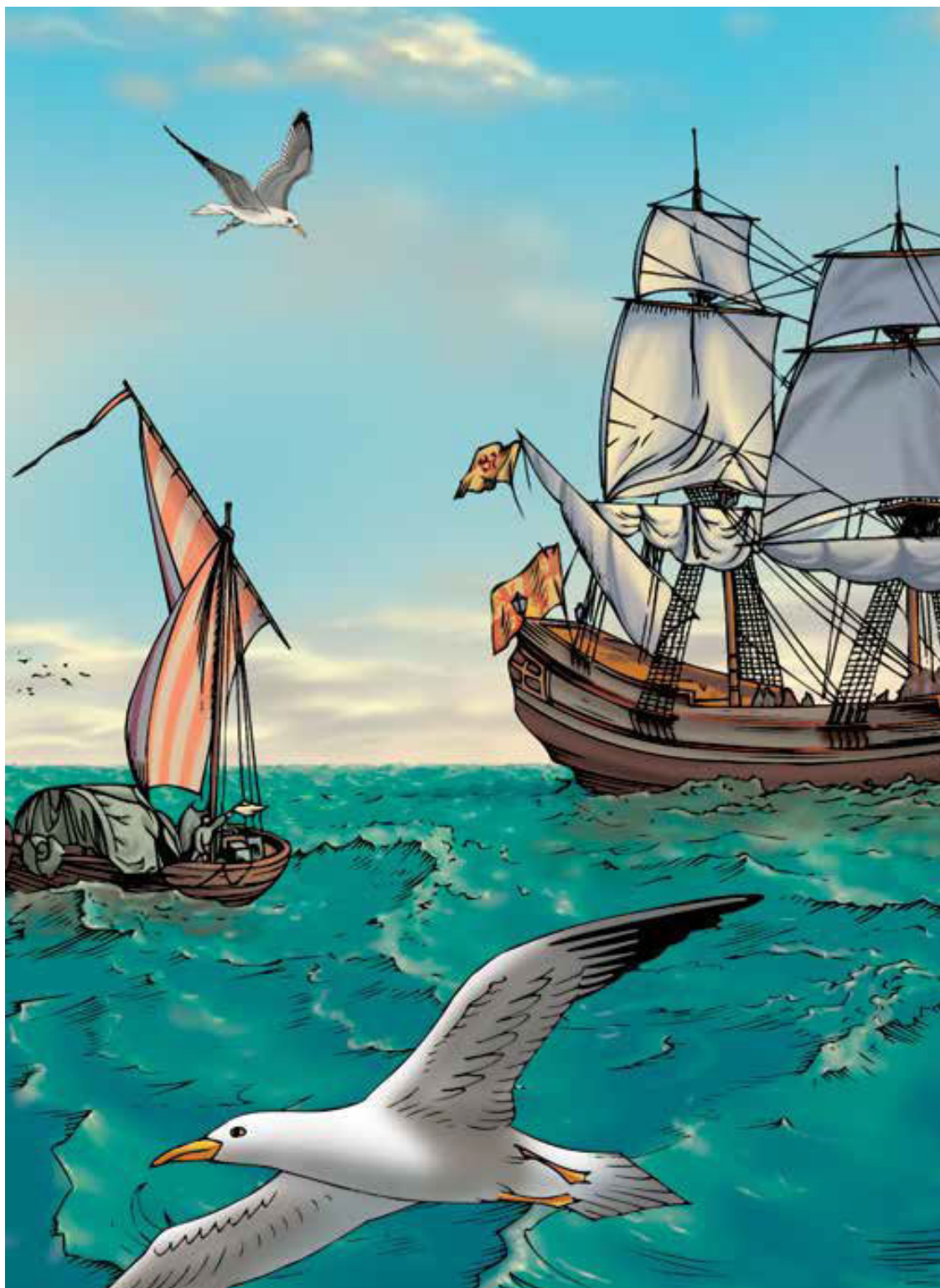
Случай вырваться из плена представился совершенно неожиданно. Мой хозяин, отложив на время свой разбойничий промысел, дольше обыкновенного находился дома и не снаряжал свой корабль, ибо ожидал каких-то важных гостей. Подобное бывало и раньше, и в такие дни, если погода устанавливалась надолго, он отправлялся ловить рыбу и обычно в качестве гребцов брал с собой меня и какого-нибудь молодого крепкого слугу-мавра. Для этой цели служил небольшой баркас, оснащенный всем необходимым, включая парус, компас и запас всевозможной провизии. После того как мы однажды очутились в густом тумане и почти сутки не могли пристать к берегу, хозяин приказал корабельному плотнику соорудить на баркасе еще и небольшую каюту – наподобие тех, что бывают на баржах. Поскольку в этих походах я тоже был вынужден заниматься рыбной ловлей и со временем стал ловким рыбаком, порой он посылал меня порыбачить в море – разумеется, не одного, а под присмотром парочки верных глазастых слуг.

В тот день, едва прибыли гости, хозяин велел мне готовиться к утренней рыбалке с особенным старанием: все вымыть и вычистить, погрузить достаточное количество продуктов и питья, проверить снаряжение и даже снести на баркас три ружья, порох и дробь, чтобы его приятели могли ради забавы пострелять морских птиц. Я выполнил поручение и, усталый, завалился спать в каюту. Каково же было мое удивление, когда ранним утром пират отменил поездку и послал нас троих – меня, мальчика-раба по имени Ксури и одного из слуг – в море за свежей рыбой к обеду.

Мысль о побеге мелькнула в моей голове со скоростью молнии. Озабоченный чем-то хозяин поспешно вернулся в дом, а в моем распоряжении оказалось довольно крепкое судно, на котором можно было вырваться из плена. Я стал готовиться... Прежде всего я убедил слугу, что нам не дозволено пользоваться хозяйским угощением и дорогими винами, поэтому нужно взять с собой немного простой еды и запастись пресной водой. Мавр согласился со мной, и, пока он хлопотал, я добавил к нашим запасам большой кусок воска, моток бечевки, топор, пилу и молоток. Не забыл я и кое-какую теплую одежду.

Вскоре все было готово, и мы втроем благополучно вышли в море, миновав сторожевую башню у входа в порт. На нас никто не обратил ни малейшего внимания, так как это было не впервые. В миле от берега, убрав парус, мы стали готовиться к рыбной ловле. Я надеялся, что северо-восточный ветер скоро сменится южным, который поможет мне добраться до испанской части побережья или хотя бы до Кадисского залива; но откуда бы ни дул ветер, я твердо решил обрести долгожданную свободу, а там будь что будет!

Порыбачив некоторое время и нарочно ничего не поймав, я предложил сменить место. Мы удалились еще на пару миль от берега и легли в дрейф. Ксури находился в каюте, а другой мой спутник – на носу баркаса. Позвав мальчика, я передал ему штурвал, подошел к мавру, будто выбирая нужное место для ловли, наклонился к воде, выпрямился и неожиданно с силой толкнул слугу за борт. Мавр мгновенно, словно пробка, вынырнул и попытался вскарабкаться обратно.

– И не вздумай! – крикнул я. – Ты отлично держишься на воде, море сегодня спокойное, плыви к берегу, иначе я пристрелю тебя, как бешеную собаку!

Нас относил течением, расстояние между шлюпкой и мавром увеличивалось все больше, но я не сомневался в том, что он благополучно доберется до родного берега и своего господина.

Я обернулся к мальчику, в испуге бросившему штурвал, и проговорил:

– Ксури, перестань дрожать! Если ты будешь мне предан, я не обижу тебя и не оставлю на произвол судьбы. Поклянись!

Скрепленные клятвой верности, мы двинулись вдоль африканского побережья, удаляясь от владений марокканского султана.

Пока мавр не скрылся с наших глаз, я держал курс прямо в открытое море. Делал я это для того, чтобы в случае погони наш хозяин решил, что мы направляемся в сторону Гибралтарского пролива. Но как только стемнело, мы повернули на юго-восток. Тихое море и довольно свежий ветерок помогали нам.

На другой день в три часа пополудни показалась земля.

Глава 5

Первая стоянка

Берег выглядел пустынным и необитаемым – я не увидел там ни построек, ни людей. Однако я так боялся снова попасть в руки мавров, что в течение пяти дней мы медленно продвигались вдоль него, не решаясь высадиться.

Когда ветер вдруг повернул на юг и стало понятно, что погони больше не будет, я наконец-то решился подойти к берегу, потому что запасы питьевой воды у нас были на исходе. Под вечер мы вошли в небольшую бухту, чтобы с наступлением темноты вплавь добраться до земли и осмотреться. Я бросил якорь в устье речки, но что это была за речонка, в какой стране она протекала, на какой широте и что за народ обитал на ее берегах, до сих пор не имею понятия.

Как только стемнело, мы услышали с берега такой неистовый рык, лай и визг диких зверей, что бедный Ксури, перепугавшись до смерти, стал умолять меня отложить разведку до утра. Всю ночь мы простояли на якоре без сна, затаившись; только раз, когда рядом с баркасом забурилась вода и раздалось шумное фыркание, я, чтобы отпугнуть неведомого зверя, выстрелил из ружья в воздух. Какой адский переполох поднялся на берегу! Я окончательно понял, что даже днем нечего и помышлять о высадке на берег – судя по всему, мы пристали к совершенно дикому месту и, кроме опасных животных, вокруг никого нет...

Как только взошло солнце и стал виден опустевший берег, мы решили перекусить и обдумать дальнейшие планы. Воды у нас не осталось ни капли, и я откупорил бутылку вина из пиратских запасов. Ксури, который довольно сносно изъяснялся по-английски, глядя на мое озабоченное лицо, вдруг сам предложил отправиться на берег с кувшином и раздобыть пресной воды. Мальчик был уверен, что ему удастся найти родник, а звери, сказал он, давно попрятались кто куда.

– Почему же ты, а не я? – спросил я его.

– Если зверь съест меня там или плохой чернокожий убьет, ты будешь знать и успеешь уплыть отсюда, – с чувством произнес мальчик.

Его ответ поразил меня в самое сердце.

– Вот что, дорогой мой Ксури, – сказал я. – Давай-ка угощайся вином, сладостями и сухарями. А потом вместе отправимся на берег и захватим с собой оружие. Тогда никто не обидит ни тебя, ни меня...

Подведя баркас вплотную к берегу, мы благополучно выбрались на сушу, имея при себе лишь заряженные ружья и кувшины для воды. Ксури, увидев покрытую зеленью низину, бодро направился туда, а я остался, чтобы не терять из виду наш баркас. Однако я был настороже, опасаясь внезапного появления туземцев или нападения зверя.

Внезапно до моих ушей донесся звук выстрела, и спустя несколько мгновений я увидел, что мальчик возвращается. Он торопился и возбужденно махал мне рукой; за плечами у него, помимо ружья, что-то болталось, а кувшинов при нем не было. Я бросился навстречу с мыслью, что Ксури столкнулся с опасностью и спасается бегством, но, приблизившись, облегченно вздохнул – лицо мальчишки сияло. Он не только нашел родник, но и подстрелил упитанного кролика; берег оказался совершенно пустынным. Мы наполнили спрятанные в зарослях кувшины холодной и чистой пресной водой, вернулись на наш баркас и вышли из устья реки в открытое море.

То, что эта часть африканского побережья не заселена людьми, успокаивало, но я не представлял себе, где мы находимся и на какое расстояние удалились от мавританских владений.

Я предполагал, что острова Зеленого Мыса, принадлежавшие Португалии, недалеко отсюда, однако без карты и навигационных приборов мне оставалось только гадать, как к ним добраться. Признаться, во мне теплилась надежда только на то, что, плывя вдоль побережья, рано или поздно мы все-таки встретим какое-нибудь торговое судно...

По моим расчетам сейчас мы находились вблизи той части побережья, которая тянется между владениями марокканского султана и землями негров. Это были дикие, необжитые места с бесплодной почвой; негры, притесняемые маврами, перебрались южнее, а сами мавры там только изредка охотились. Неудивительно, что на протяжении целой сотни миль мы с Ксури плыли вдоль пустынного берега... Однажды мне почудилось, что я вижу Тенерифский пик – горную вершину на Канарских островах, но это, вероятно, был мираж, а может, мое разгоряченное воображение приняло желаемое за действительное.

Пару раз нам пришлось пристать к берегу для пополнения запасов питьевой воды и провианта, которые стремительно таяли. Во время одной из таких вылазок я подстрелил льва, неожиданно напавшего на нас, и мы с трудом его освежевали – добыча была знатная, но совершенно несъедобная. Шкуру зверя мы растянули на крыше каюты, солнце ее как следует высушило и выдубило; впоследствии она служила мне постелью.

Еще дней десять мы двигались в южном направлении, стараясь как можно бережнее расходовать воду и продукты. Я надеялся добраться до границ Гамбии или Сенегала и приблизиться к тому месту, где проходят все европейские суда, куда бы они ни направлялись – к берегам Гвинеи, в Бразилию или в Ост-Индию. У нас не было другого выхода, кроме как умереть от голода и жажды, погибнуть от рук дикарей – или продолжать жить надеждой.

Глава 6

Спасение

В один из жарких солнечных дней я неожиданно заметил, что побережье обитаемо. На берегу появились признаки присутствия людей, но главное – за нашим передвижением исподтишка следили. Наконец на берегу появились черные как смоль и совершенно голые африканцы. К счастью, они не были вооружены, и лишь некоторые из них размахивали копьями; дикари столпились у самой кромки воды, когда я повернул лодку в их сторону. Ксури запаниковал, однако я убедил его, что туземцы не причинят нам никакого вреда.

Так оно и случилось.

Приблизившись и спустив парус, но не выходя на сушу, я попытался знаками объяснить чернокожим, что мы нуждаемся в еде. Дикари меня поняли, и уже через короткое время на песке лежали вяленое мясо, зерно, лепешки и целая груда фруктов. Тем не менее мы не решались покинуть баркас, опасаясь ловушки. Через какое-то время я с облегчением понял, что они нас тоже боятся. Как можно добродушнее улыбаясь, я убедил их отойти на безопасное расстояние от воды, чтобы мы могли спокойно забрать их щедрые дары. Дикари так и поступили, но вскоре стало ясно, что за один поход нам не управиться и не перенести весь провиант в лодку.

Пришлось нам еще раз высаживаться на берег.

Африканцы уже совершенно не опасались нас и миролюбиво поглядывали в сторону баркаса, и я решил выразить свою благодарность хотя бы дружественным прощальным жестом. Но едва я приложил обе руки к груди и поклонился, как раздались отчаянные крики. Прямо на дикарей неслись два леопарда, и вся толпа мигом бросилась врассыпную. Самые отчаянные помчались в сторону моря, а некоторые притаились за деревьями.

Однако и хищники – то ли играя, то ли не поделив добычу, – вели себя странно. Они рычали и прыгали, а затем один из них бросился в воду и поплыл прямо к нашей лодке. Не зная, что за этим последует, я велел Ксури побыстрее зарядить еще пару ружей, а свое держал наготове. Недавний случай со львом сослужил мне хорошую службу. Без всякого волнения прицелившись, я спустил курок и с первого же раза попал леопарду прямо в голову. Грохот выстрела отпугнул другого хищника, который поспешно скрылся за дальним кустарником.

Смертельно раненный зверь вынырнул на поверхность и из последних сил повернул к берегу. Ему оставалось проплыть какую-нибудь пару ярдов, когда он погрузился в воду, окрасив ее своей кровью.

Мы подогнали баркас поближе, чтобы удостовериться, что леопард мертв, а оглушенные выстрелом и пораженные происходящим чернокожие не решались даже пошевелиться. Только один дикарь с копьем наперевес осторожно сделал несколько шагов в сторону зверя, затем внимательно взглянул на ружье в моих руках и что-то гортанно прокричал, обращаясь к соплеменникам. Негр указывал то на меня, то на убитого хищника, то принимался энергичными жестами звать сородичей. Из этого я понял, что дикарь совсем не прочь завладеть леопардом.

Одному ему оказалось не под силу вытащить из воды крупного зверя, а остальные, почти глядя на нас, по-прежнему не двигались с места. Тогда я, призвав Ксури на помощь, нырнул в воду и, обмотав веревку вокруг шеи леопарда, другой конец кинул на берег. Чернокожий охотник крепко схватился за нее, и только тогда к нему бросились те негры, которые находились поближе. Затем к ним присоединились и остальные. Мне ничего не оставалось, как наблюдать за их слаженными действиями и обсыхать на палубе баркаса.

Дикари мигом поняли, что леопард им подарен, и с восторженно-благодарными воплями усердно принялись за работу. Заостренными камнями они так ловко сняли шкуру и разделали тушу зверя, как не смог бы сделать даже лондонский мясник, вооруженный стальным ножом.

Затем знаками нам предложили часть добычи, но я отказался принять дар. Вместо этого я указал на пустой кувшин для воды и попросил оставить нам шкуру леопарда. Ее доставили тотчас, а заодно воду и целый запас местной стряпни, которую принесли из селения две молодые темнокожие женщины. Погрузив все на баркас, мы отплыли, сердечно распрощавшись с гостеприимными туземцами...

Нам сопутствовала отличная погода, и в течение двух недель мы шли в прежнем направлении, не приближаясь к побережью. Наконец показалась узкая полоса суши, далеко выступающая в море. Я решил обогнуть ее и в тот момент, когда баркас поравнялся с оконечностью косы, вдруг увидел вдали гряду мелких островов или даже рифов. Они были еще далеко, но в случае перемены ветра представляли большую опасность. Во мне затеплилась надежда, что это острова Зеленого Мыса. Я спустился в каюту, чтобы взять компас, но тут раздался крик Ксури: «Хозяин, бегите скорее сюда! Корабль! Я вижу паруса!»

Поначалу мальчик испугался, решив, что видит пиратское судно, посланное за нами в погоню. Я стремглав выскочил на палубу и тут же успокоил его, сказав, что мы уже слишком далеко от мавров, а этот большой корабль, скорее всего, плывет из Европы к берегам Гвинеи.

Но, присмотревшись, я понял, что корабль движется в совершенно противоположном направлении. Тогда я решил выйти в открытое море и попытаться на всех парусах догнать неизвестных мореплавателей.

К сожалению, расстояние между баркасом и далеким кораблем уменьшалось так медленно, что я вскоре отчаялся. Лишь после длительных и невероятно тяжких усилий придать громоздкой посудине больше хода нас наконец-то заметили. Корабль убавил парусов: там, очевидно, рассматривали в подзорную трубу наш неповоротливый баркас. Мы воспрянули духом. Я стал стрелять из ружья, а Ксури поднял на флагшток вымпел в знак того, что мы терпим бедствие. Он нашел его в каюте среди вещей своего бывшего хозяина-пирата.

Это сработало: судно легло в дрейф, давая возможность баркасу приблизиться.

Спустя три часа мы наконец-то поднялись на его палубу.

Это был португальский корабль, плывший в Бразилию; мне начали задавать вопросы на разных языках, пока среди команды не нашелся матрос-шотландец, которому я объяснил, кто мы такие и что с нами случилось. Капитан корабля был занят, но когда позже нас отвели к нему и я со всеми подробностями поведал о нашем побеге и морских скитаниях, этот добросердечный человек принял самое живое участие в нашей судьбе.

Я был буквально на седьмом небе от того, что наконец-то обрел долгожданную свободу, и в благодарность за избавление от невзгод предложил капитану все, что имел. Он с упреком взглянул на меня и заявил, что ему ничего не нужно и что я получу все свое имущество в целостности, как только мы достигнем берегов Бразилии. «Я оказываю вам услугу без всякой корысти, – проговорил капитан, – потому что хотел бы, чтобы так же поступили и со мной, если я когда-нибудь окажусь на вашем месте. А на море такое всегда может приключиться. Вам ведь придется возвращаться на родину, а это неблизкий путь. К тому же на первое время вам понадобятся средства к существованию...»

Этот человек оказался джентльменом не только на словах, но и на деле. Он распорядился произвести опись вещей на баркасе, взятом на буксир, и сохранить каждую вещь, чтобы я мог получить все обратно – вплоть до простых глиняных кувшинов. Что же касается самого баркаса, то, одоблив его состояние, капитан сказал, что не прочь купить это судно, и спросил цену. Я ответил, что отдаю ему баркас задаром, однако он воспротивился и написал расписку, согласно которой брал обязательство расплатиться со мной в Бразилии серебром, если я не найду лучшего покупателя. Кроме того, он предложил мне пятьсот реалов за Ксури. Но я не хотел продавать мальчика, который был так предан мне, и чистосердечно сказал об этом капитану. Тот согласился, что мои соображения справедливы, но посоветовал все же принять его предложение и обещал, что, если мальчик, достигнув совершеннолетия, примет христианство,

он даст ему вольную. Это меня устраивало, а позднее оказалось, что Ксури и сам не прочь перейти в услужение капитану.

Наше плавание, продолжавшееся двадцать два дня, завершилось вполне благополучно, и ранним солнечным утром мы вошли в бухту Всех Святых, где на берегу располагался торговый город Баия, иначе Салвадор¹, – столица Бразилии и центр португальской колонии.

Мне предстояло решить, как жить дальше.

¹ Салвадор, основанный в 1549 году, был столицей Бразилии до 1763 года. (Здесь и далее примеч. ред.)

Глава 7

Вкус свободы

Никогда мне не забыть, как великодушно отнесся ко мне капитан португальского корабля. Он наотрез отказался от платы за мое пребывание на судне и вернул все до единой вещи, принадлежавшие мне. Кроме того, не считая баркаса, он купил у меня за шестьдесят дукатов обе звериные шкуры, два ружья, остаток воска и заплатил за ящик с винами и ликерами. Таким образом, я ступил на гостеприимную землю Бразилии, владея небольшим капиталом, которым надеялся разумно распорядиться.

У меня была возможность сразу вернуться домой, но я решил попробовать себя в каком-нибудь деле, чтобы разбогатеть и не являться к отцу и матери с пустыми руками.

Капитан-португалец, единственный мой здешний знакомый, однажды пригласил меня на обед к своему близкому приятелю. Это был обеспеченный человек, владелец завода по переработке сахарного тростника и примыкавшей к нему огромной плантации. Позже я стал часто навещать его и расспрашивать о тонкостях сахарного производства. Увидев, как недурно живет плантаторам, я начал хлопотать о разрешении поселиться в Бразилии и приобрести здесь землю. Одновременно я раздумывал над тем, как получить из Англии деньги, хранившиеся у вдовы моего друга.

Разрешение было получено, и я, истратив большую часть своего капитала, приобрел участок неводеланной земли. Можно было начинать строительство усадьбы, устройство плантации и закупать все, что необходимо в земледелии и домашнем хозяйстве.

Тем временем португальский корабль, спасший нас с Ксури, снова готовился отплыть в Европу, и я поручил капитану все мои хлопоты в Англии. Я написал вдове письмо, где поведал о своих приключениях: неволе, бегстве, чудесном спасении и настоящем моем положении. В письме содержалась просьба распорядиться моими деньгами, полностью доверившись капитану-португальцу, следующим образом: приобрести на сто фунтов те инструменты и орудия, которые понадобятся мне для дела, и закупить как можно больше разнообразных английских товаров, которые высоко ценились в здешних краях и могли быть проданы с большой прибылью. Остаток капитала я просил добрую женщину хранить у себя, как она любезно делала это и раньше.

Капитан в точности выполнил мое поручение: прибыв в Лиссабон, он связался с вдовой через английских купцов. Получив мое подробное письмо, она с готовностью исполнила не только все, о чем я просил, но и передала капитану в благодарность за мое спасение довольно внушительную сумму. Этими деньгами капитан распорядился по-своему, что было неожиданно для меня, но при этом очень разумно: он нанял в Португалии человека, который впоследствии стал моей правой рукой, так как отлично разбирался в выращивании и обработке сахарного тростника. Контракт с ним был заключен на шесть лет.

Как только мой груз прибыл в Бразилию, я, горячо обняв капитана, с воодушевлением принялся за работу. Отныне я мог считать свое будущее вполне обеспеченным.

Моим соседом по земельному участку оказался португальский плантатор, семья которого была родом из Англии. Звали его Уэлс, он с детства владел английским языком, что помогло нам сойтись. Свою плантацию Уэлс заложил совсем недавно, и это нас еще больше сблизило. У него, как и у меня, оборотный капитал был невелик, поэтому первое время дело продвигалось туго. Однако благодаря тому, что оба мы трудились не покладая рук, приумножили свое состояние и снова пускали его в производство сахара, наши капиталы росли и мы мало-помалу разбогатели. Неоценимую помощь мне оказывал мой подручный-португалец, но и Уэлс, и я остро нуждались в рабочих руках. С большой прибылью продавал товары, доставленные мне капита-

ном из Англии, я был вынужден купить негра-невольника и нанял еще одного работника-европейца, бывшего матроса. На третий год моей жизни в Бразилии часть принадлежавшей мне земли была уже засажена табаком, остальная – бóльшая ее часть – была отведена под сахарный тростник; кроме того, я закончил постройку небольшого, но удобного дома.

У меня была крыша над головой, приятные знакомства, добрые товарищи и соседи, я уже свободно говорил на местном наречии и был далеко не беден. Но до чего же безотрадно и одиноко я себя чувствовал! Я сам ввязался в дело, к которому моя душа совсем не была расположена. И ради этого, думал я, стоило забираться за тысячи миль от родного дома? Я часто говорил себе, что мог бы с успехом заниматься тем же и в Англии, живя в кругу семьи и друзей. А теперь мне ничего не оставалось, как продолжать начатое и упорно – своими же руками! – строить для себя золотую клетку. Я стал частью зажиточного среднего класса и вел то самое добропорядочное существование, к которому призывал меня отец. Кажется, его мечты сбывались, но Господь не дал мне благоразумия, как ни старался...

Говорят, богатство не спасает от несчастья. Так случилось и со мной. Я усердно продолжал заниматься своей плантацией и уже в следующем году опередил своего соседа. У меня было множество разнообразных дел и занятий, а еще больше проектов. При моих все еще скромных финансовых средствах, к тому же находившихся в обороте, большинство из проектов оставались несбыточными. Я стремился как можно быстрее разбогатеть, чтобы, бросив все, хоть ненадолго отправиться в плавание. Но просто сопровождать в Европу тюки с табаком меня не устраивало; все мои беды происходили от нетерпения и упрямства, с которым я по-прежнему рвался к быстрому осуществлению своих желаний. Изнурительный зуд бродяжничества снова не давал мне покоя.

Через четыре года произошли события, перевернувшие всю мою судьбу и начисто лишившие меня спокойного существования. На мою голову обрушилось немыслимое количество бед и трудностей, с какими не сталкивался ни один человек и из которых, казалось, невозможно выйти живым и здоровым.

Однажды в большой компании знакомых плантаторов и торговцев я вдруг пустился в воспоминания о своих странствиях у берегов Гвинеи. Мы ужинали у меня в доме, и за стаканом пунша в оживленной беседе я поделился секретом скорого и легкого обогащения.

– Только и требуется, – сказал я, – что снарядить корабль, нагрузить его безделушками: бусами, тканями, игрушками и стекляшками, добавить ножей, топоров и прочего. Затем можно приступать к торговле; за всю эту чепуху можно приобрести не только золотой песок и слоновую кость, но даже и чернокожих невольников...

Каково же было мое удивление, когда через несколько дней слуга неожиданно сообщил, что меня хотят видеть какие-то господа, несмотря на то что я никого не ждал в то утро.

Трое прилично одетых мужчин оказались моими недавними гостями. Я пригласил их пройти в кабинет и осведомился, какова цель визита. В ответ я услышал, что, заинтересовавшись моим рассказом, они намерены снарядить корабль к африканскому побережью и предлагают мне войти в долю в этом предприятии. Разумеется, все должно оставаться в тайне. Ведь у них, как и у меня, есть плантации, где остро не хватает рабочих рук, поэтому следует ограничиться одним-единственным рейсом, поскольку торговля невольниками связана с большими опасностями и в самой Бразилии запрещена. Если я дам согласие, отправлюсь в экспедицию и возьму на себя закупку чернокожих в Гвинею, то получу равное с остальными компаньонами количество рабов, при этом не вкладывая ни гроша в оснащение корабля и приобретение нужного товара.

Предложение выглядело весьма заманчивым и одновременно крайне рискованным. Я даже не говорю о работорговле, к которой я всегда относился с отвращением. Мои утренние гости, насколько я знал, были начинающими плантаторами, тогда как сам я уже имел прочное положение, стабильный доход и состояние в несколько тысяч фунтов стерлингов. Поэтому

участие в таком предприятии выглядело бы с моей стороны полным безрассудством. Я мог потерять все и лишиться доброго имени.

Но, видно, на роду мне было написано стать причиной собственной гибели. Я не находил в себе сил отказаться от искушения еще раз почувствовать вкус свободы.

Глава 8

Кораблекрушение

Одним словом, я согласился.

Мы обсудили все детали экспедиции. Главным моим условием было то, чтобы надежный человек из их круга, желательно адвокат, в мое отсутствие взялся присматривать за плантацией и домом. Кроме того, я просил их в точности выполнить некоторые мои распоряжения в случае непредвиденных обстоятельств или моей гибели.

Вскоре подходящий адвокат нашелся и я подписал все бумаги, включая завещание, согласно которому распорядителем моего состояния становился капитан португальского корабля, спасший мне жизнь. В случае моей смерти к нему переходили все мое имущество и земля, он же брал на себя обязательство выполнить мою волю: половину денег от продажи имущества взять себе, а другую отправить моей семье в Англию.

Все было сделано так быстро, что у меня не осталось ни времени, ни возможности серьезно задуматься о правильности моего решения пуститься в эту опасную авантюру. Корабль был снаряжен, нагружен необходимым товаром, команда подобрана, и все устроено по взаимному соглашению участников экспедиции. Я с нетерпением ждал отплытия и на все, что меня окружало в Бразилии, смотрел с полным безразличием. Это говорило о многом, и прежде всего о том, насколько я был легкомысленным.

Первого сентября 1659 года, ровно через восемь лет после первого морского путешествия, я снова поднялся на палубу корабля. Со мною отплывали четырнадцать членов экипажа, не считая капитана и юнги. Судно было новым и прочным, водоизмещением около ста двадцати тонн; кроме товара, предназначенного для торговли, в трюмах больше ничего не было – все свободное место предназначалось для перевозки чернокожих рабов.

Снявшись с якоря, мы взяли курс на север, вдоль побережья Бразилии, рассчитывая свернуть к берегам Африки у десятого-двенадцатого градуса северной широты, – именно таков был в то время обычный маршрут всех торговых судов. До самого мыса Святого Августина стояла тихая погода, несколько донимавшая нас жарой и палящим солнцем; но вскоре корабль повернул на северо-восток, в открытый океан, и мы потеряли из виду землю.

Следующим ориентиром на пути через Атлантику был небольшой остров вулканического происхождения Фернандо ди Норонья. Но то ли капитан ошибся в расчетах, то ли вмешался внезапно налетевший крепкий ветер, однако позже выяснилось, что наш корабль все это время шел на запад, в сторону островов Карибского моря.

На двенадцатый день плавания свирепый ураган из тех, что рождаются в экваториальных широтах, окончательно сбил судно с правильного курса. Океан ревел и бушевал, обезумевший ветер постоянно менял направление, вращал и подбрасывал корабль на огромных валах, словно перышко. Мы были в полной власти бури, и каждую минуту я ждал ужасной гибели. Когда ураган ненадолго приутих, оказалось, что мы не только сбились с пути, но и понесли потери: юнгу и одного из матросов смыло гигантской волной с палубы, а еще один матрос, заболевший тропической лихорадкой, умер. Вдобавок в днище корабля была обнаружена небольшая течь.

Корабль наш был сильно потрепан, конца непогоде не предвиделось, и капитан предложил попытаться вернуться в Бразилию. Я решительно воспротивился. Судя по всему, судно находилось у окраин Карибского моря, а потому нам следовало держать курс на остров Барбадос, где мы могли получить хоть какую-нибудь помощь. Плыть напрямик в Африку бессмысленно и опасно. По нашим расчетам, добраться до Барбадоса можно было недели за две, если не помешают капризные течения Мексиканского залива. Я рассчитывал, что после ремонта снастей и отдыха мы сможем продолжить экспедицию.

Однако судьба распорядилась иначе.

Изменив курс на северо-западный, мы вышли из полосы ненастья и только было почувствовали уверенность в завтрашнем дне, как нас настиг очередной шторм, еще свирепее прежнего. Буря отнесла корабль так далеко от торговых путей, что, даже если бы он уцелел, шансов добраться до какого-нибудь берега оставалось ничтожно мало. Корпус судна трещал по швам, нас швыряло во все стороны, вертело, подбрасывало на волнах – и так продолжалось несколько дней, пока ветер не начал стихать, хотя море все еще бушевало.

Изнуренная штормом команда крепко спала в каютах, когда стоявший на вахте рулевой разбудил нас с капитаном криком: «Земля! Прямо по курсу я вижу какие-то острова!» Мы бросились на палубу, хорошо понимая, какая опасность нам грозит: ветер и течение могли принести беспомощное судно к прибрежным скалам и разбить вдребезги. Но случилось то, чего мы меньше всего ожидали, – наш корабль внезапно сел на мель.

От страшного удара судно накренилось, громадные валы захлестнули палубу, обдав нас ледяной водой. Вымокнув до нитки, мы бросились вниз собирать экипаж, чтобы в случае гибели судна, которое шторм вскоре мог превратить в щепки, попытаться спустить шлюпку. Оставалось только молиться, и нашим единственным утешением служило то, что корабль все еще оставался на плаву. У нас было две шлюпки; маленькая шла за кораблем на буксире, но ее оторвало и унесло во время бури, другая, побольше, уцелела и находилась на палубе. Матросы, не мешкая ни секунды, начали спускать ее на воду. На мгновение капитану показалось, что волнение стихает и нам больше ничего не грозит. Он понадеялся, что нам не придется покидать корабль, тем более что пускаться в рискованное плавание на шлюпке, не имевшей даже паруса, было еще опаснее. Нас могло накрыть первой же волной, опрокинуть, разбить о неизвестный берег прибоем. И все-таки другого выхода не было – корабль крепко сидел на мели и в любую минуту под натиском стихии мог расколоться пополам...

Все матросы уже перебрались в шлюпку; последними спустились мы с капитаном. Положение наше было хуже, чем у обреченных на казнь, и все же мы усердно гребли к берегу, сопротивляясь ветру и волнам. Какой перед нами берег, скалистый или песчаный, крутой или отлогий, мы не видели; оставалась единственная надежда, что течение принесет нас к входу в бухту или залив.

Увы, капризная судьба оказалась к нам немилосердна!

Мы гребли уже больше часа, когда огромный вал обрушился на нашу шлюпку, будто решив этим последним сокрушительным ударом прекратить наши страдания. В мгновение ока шлюпка опрокинулась. Все, кто в ней находился, оказались под водой, даже не успев воскликнуть: «Господи, спаси и помилуй!»

Глава 9

Совершенно один

Мне сразу удалось вынырнуть, и тут же прибой подхватил меня и неудержимо понес к земле. Однако я находился не настолько близко к ней, чтобы почувствовать дно под ногами. Плавал я хорошо, поэтому, собрав остатки сил, попытался достичь берега раньше, чем очередная волна отшвырнет меня обратно.

Из этого ничего не вышло.

Волны играли мной, словно мячиком. Одна набегала, подхватывала меня и толкала вперед, чтобы тут же передать другой волне, которая снова уносила меня далеко от суши. При этом я оказывался под водой и старался как можно быстрее вынырнуть на поверхность, чтобы отдышаться и глотнуть воздуха. Так продолжалось очень долго, пока прибой не понес мое обессиленное тело прямо к скалам.

Это могло погубить меня, если бы мне не удалось, уже почти теряя сознание, крепко уцепиться обеими руками за выступающий из воды скользкий плоский камень. Волны здесь были гораздо слабее и только покрывали меня с головой; я дождался промежутка между валами, нырнул и быстро поплыл к берегу.

Наконец я очутился на твердой земле – целый и невредимый. Вскочив на ноги, я бросился бегом от линии прибоя, вскарабкался на прибрежный утес и рухнул в густые заросли травы. «Господи, – прошептал я, дрожа и плача, – благодарю тебя за то, что ты спас меня!»

Ни единой души не было видно вокруг. Отдышавшись, я поднялся и побрел к воде. Никого. Все мои спутники, очевидно, погибли; на волнах у берега покачивались несколько шляп и пара разрозненных башмаков. Взглянув в сторону корабля, все еще сидевшего на мели, я ужаснулся при мысли, как далеко я от него находился, и снова поблагодарил небеса за чудо, которое случилось со мной...

Пришло время осмотреться. Радость моя улетучилась очень быстро: хоть мне и удалось спастись, остров, по-видимому, был необитаем. Моя мокрая одежда была изорвана в клочья, а другой негде было взять, я испытывал нестерпимый голод, но мне нечем было подкрепить себя, у меня не было даже пресной воды. И самое ужасное заключалось в том, что, кроме табакерки и небольшого ножа, при мне не оказалось оружия, чтобы добыть хоть какое-нибудь пропитание или защититься от диких зверей. Единственное, что пришло мне в голову, – это поискать убежище, в котором можно было бы провести ночь. Я осознавал, что прежде всего нужно отдохнуть и набраться сил, а уж потом искать выход из создавшегося положения.

Тем временем начало смеркаться; я прошел около четверти мили в глубину острова, пока не наткнулся на ветвистое крепкое дерево; на мое счастье, неподалеку от него журчал ручей. Утолив жажду и пожевав табаку, уцелевшего в моей табакерке, я взобрался повыше на дерево. Чувство голода притупилось. Я нашел удобную широкую развилку, вырезал из ветки увесистую дубинку для защиты, набросал в развилку листья, улегся и мгновенно провалился в сон, словно в глубокую черную яму.

Утром я проснулся, как ни странно, бодрым и отдохнувшим. Солнце уже светило вовсю, ветер совершенно утих, погода стояла ясная. Я взглянул в сторону моря – наш корабль отсюда был виден как на ладони. Он находился гораздо ближе к месту моей ночевки, чем к той части побережья, куда меня вынесли волны. Судно все-таки выдержало шторм, и я подумал, что первым делом нужно добраться до него, чтобы разжиться провизией и одеждой.

Я направился к берегу, внимательно осмотрел его и неожиданно заметил вдалеке нашу шлюпку. Очевидно, ее тоже выбросило бурей на побережье. Я кинулся было к шлюпке, но мой путь пересекал небольшой, но глубокий залив шириной в полмили. Ничего не оставалось, как

повернуть назад и поискать другой способ добраться к кораблю, на котором я надеялся найти хоть что-нибудь полезное для себя.

На море был полный штиль, начался отлив, и я воспользовался этим, чтобы попасть на корабль. Он стоял всего в трехстах метрах от меня, накренившись на мелководье, огромный и с виду невредимый. Мне стало горько – если бы мы не покинули судно и переждали бурю, то все остались бы живы... Но что оставалось делать? Я бросился в воду и поплыл. Однако вскоре я понял, что хоть цель моя близка, попасть на корабль почти невозможно. Я проплыл вокруг него дважды, пока не заметил конец каната, свисавший почти до самой воды. С большим трудом мне удалось схватиться за него и взобраться на бак.

Трюм судна был полностью заполнен водой, но, сев на мель, оно увязло в илистой отмели таким образом, что корма поднялась высоко над морем и вся эта часть осталась неповрежденной и сухой. На корме почти все уцелело. Провизия и одежда были в хорошем состоянии, так что в первую очередь я переоделся и набил карманы сухарями. Затем направился в кают-компанию, чтобы как следует перекусить и глотнуть для бодрости рому. Жизнь больше не казалась мне мрачной. Запасов продуктов на первое время должно было хватить, хотя оставался вопрос: как их переправить на берег, если у меня нет лодки? Поразмыслив, я решил построить плот.

На корабле сохранились запасные части мачт, реи, доски, несколько сот ярдов прочной пеньковой веревки и всевозможный плотницкий инструмент. Я наскоро сколотил небольшой плот, но когда спустил его на воду, понял, что совершил ошибку. Неуклюжая конструкция была в состоянии выдержать лишь вес моего тела – я не подумал обо всем остальном грузе. Пришлось снова браться за пилу и топор и усердно трудиться. Я устал до изнеможения, но желание запастись всем необходимым для жизни на неизвестной земле подхлестывало и вдохновляло меня.

Глава 10

Между берегом и кораблем

Наконец-то мой плот был готов.

Спустить его на воду и нагрузить всем необходимым оказалось задачей не из простых. Внешне плот выглядел достаточно надежным, но я опасался, что прилив вскоре закончится, поэтому нужно было поторопиться. Я отыскал доски и, протащив их по палубе, перебросил на уже плавающие в воде связанные бревна. Затем спустился по канату, как следует все прикрепил и вновь поднялся на корабль.

Опустошив три больших матросских сундука, я сложил в один из них весь провиант, какой нашел на корабле: хлеб, зачерствевшие рисовые лепешки, пару кругов сыра, вяленую баранину, мешок с небольшим количеством пшеницы и ячменя – ими наш кок подкармливал в плавании домашнюю птицу, которая давно уже была зажарена и съедена. Захватил ящики с вином и рисовой водкой и погрузил все это во второй объемистый сундук. Из одежды и обуви, имевшейся в каютах в неограниченном количестве, я взял только то, что подходило мне по размеру, заполнил последний сундук, после чего спустил все три на плот.

Еще больше меня интересовали оружие и рабочие инструменты. В каюте капитана я обнаружил пистолеты, два отличных охотничьих ружья и мешочек с дробью, а в каморке корабельного плотника – внушительный ящик, содержимое которого мне было известно. Добавил пилу, молоток и топор. Зная, что на корабле находилось несколько бочонков с порохом, я отправился за ними. К сожалению, только два из них уцелели – в остальных порох был подмочен. Я дополнил свой арсенал парой старых тупых сабель и переместил его за борт. Теперь плот был предельно нагружен...

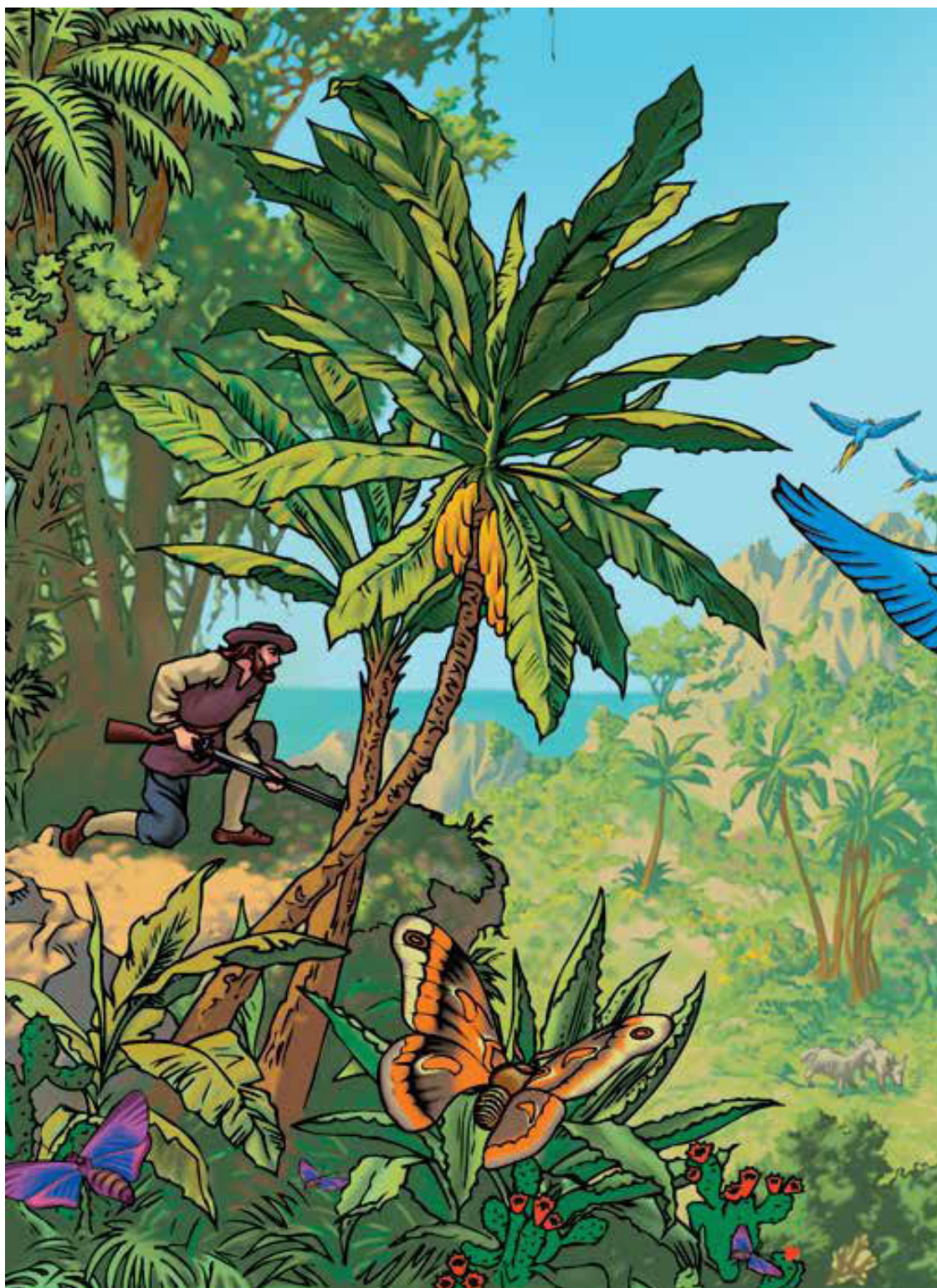
Добраться до берега без паруса было непросто – достаточно подняться небольшой волне, и мне вряд ли удалось бы удержать мое самодельное судно на плаву, поэтому я отыскал весла, оставшиеся от одной из шлюпок, и наконец-то окончательно перебрался на плот. Море осталось спокойным, дул легкий попутный ветер, и я с Божьей помощью пустился в плавание.

Около мили все шло благополучно, но затем ветер усилился, и меня начало относить к той части берега, куда я добрался вплавь после бури. Приливное течение несло плот вправо, прямо к небольшой бухте; я греб изо всех сил, стараясь держаться кормой к волне. Громозд-

кий и ненадежный плот совершенно потерял управление и несся по воле ветра и волн, пока не наскочил одним краем на песчаную отмель. Настил плота сильно накренился, я бросился спасать груз, не имея возможности даже сдвинуть свое судно с места. На беду, одна из веревок лопнула и сундук с провизией едва не рухнул в воду. Если бы поднявшаяся с приливом вода в скором времени не выровняла плот, я бы надолго застрял на этой отмели в полной беспомощности. К счастью, мое судно снялось с мели самостоятельно.

Затем я высмотрел удобное место для причала, закрепил груз понадежнее и принялся грести. Я орудовал веслами, сражаясь с течением, до тех пор, пока не приблизился к берегу настолько, чтобы хорошо видеть выбранную мною ровную площадку. Когда вода отступит, мой плот прочно встанет на ней. Я подогнал его как можно ближе к береговой полосе и, удерживая на месте, принялся ждать. Через час начался отлив, и плот со всем своим драгоценным грузом оказался на суше.

Я так устал, что не мог и пальцем пошевелить. Однако мне еще предстояло отыскать место для ночлега и перенести туда все вещи. Я по-прежнему не знал, куда забросила меня судьба – на материк или на остров, обитаема эта земля или нет и с какими опасностями мне суждено столкнуться... Но уходить далеко от моря я не собирался, потому что надеялся, что какой-нибудь корабль рано или поздно появится в здешних водах и тогда я смогу подать сигнал бедствия.

Оглядев окрестности, я заметил в полумиле от залива невысокую холмистую гряду. Возможно, именно там можно было найти безопасное пристанище. Прихватив заряженное ружье, я отправился на разведку. Но ничего подходящего найти не удалось, и, хоть солнце уже садилось, я все-таки решил взобраться на ближайший холм. Там было еще светло, и я увидел, что нахожусь на острове, со всех сторон окруженном морем. Только на западе тянулась полоса рифов и мелких клочков суши. Открытия, одно другого печальнее, последовали тотчас: судя по всему, мой остров лежал вдалеке от торговых путей, был абсолютно необитаемым и диким.

Невозделанная земля, скалы и мелколесье, множество птиц, без боязни круживших над холмами, – вот и все, что я увидел.

Спустившись вниз, я не удержался и подстрелил одну из птиц. Грохот моего ружья, по-видимому никогда еще не звучавший в этих местах, переполошил в зарослях пернатых и мелкую живность. К тому же мясо напрасно убитой птицы оказалось несъедобным. С холма был полностью виден наш несчастный корабль, глубоко сидевший на мели, и я подумал, что хорошо бы еще раз побывать на нем, пока непогода не разрушила судно окончательно. Неизвестно, сколько мне придется прожить на этом острове, и все, что было на корабле, могло пригодиться...

Я вернулся к своему плоту, когда на землю опустилась полная темнота, и при свете костра переправил оставшиеся вещи на берег. Я не знал, как устроиться на ночь, и боялся нападения хищников; впрочем, позже выяснилось, что мои опасения были совершенно напрасными. Не придумав ничего лучшего, как оградить место моего ночлега сундуками, ящиками и досками, я улегся прямо на песок и мгновенно уснул.

Отлив был в нижней точке, когда, проснувшись около семи утра, я оставил все на берегу и поспешил к воде. Воспользоваться плотом я не мог – он оказался далеко на суше. Поэтому, сбросив верхнюю одежду и башмаки, я поплыл, как и в первый раз, прямо к кораблю. Теперь мне было легче – я знал, где находится канат, по которому можно взобраться на палубу. Я собирался соорудить еще один плот, правда, поменьше прежнего.

Времени до начала прилива оставалось не так уж много, но, умудренный опытом, я быстро сколотил плот, спустил его на воду и нагрузил. Перенес два мешка с гвоздями, мелкими и крупными, а также плотницкий бурав, дюжину топоров и такой необходимый предмет, как точило. Добавил три железных лома, бочонки с ружейными пулями, семь мушкетов, еще одно охотничье ружье, большой мешок с дробью. Кроме того, я собрал по каютам всю одежду, какую нашел, и прихватил подвесную койку, тюфяки, одеяла и подушки. Напоследок я спустил на плот запасной парус и еще одну пару весел.

Все это я благополучно доставил на берег – к моему превеликому удовольствию.

Глава 11

Вещи нужные и ненужные

За три недели, прожитые на острове, я побывал на судне двенадцать раз...

Но в тот день все мое имущество оставалось на берегу, и меня мучили опасения, что звери попортят съестные припасы. Однако, возвратившись, я не заметил никаких следов непрошенных гостей. Лишь на одном из сундуков грелся на солнце зверек, отдаленно похожий на дикую кошку. Я вскинул ружье; зверек спрыгнул и спокойно уселся на землю, без страха разглядывая меня, будто хотел познакомиться. Получив в подарок сухарь, он сгрыз его и, не дождавшись нового угощения, потерял ко мне интерес и скрылся в густых манграх².

Я хотел было открыть тяжелую бочку и разложить подмокший порох, чтобы высушить его, но потом решил соорудить палатку из парусины, нарубив кольев и шестов. Для этого пришлось прогуляться в рощу к подножию холма. Затем я перенес в палатку все, чему могли повредить жаркое солнце или внезапный ливень, а вокруг возвел ограду из бочонков и пустых ящичков. Вход в убежище изнутри я загородил доской, а снаружи – самым прочным сундуком. Рядом с ним я устроил себе постель. Основательно поужинав, я рано улегся, не забыв положить рядом заряженное ружье.

Мне кажется, никто из потерпевших бедствие еще не имел такого огромного запаса вещей. Моя палатка представляла собой настоящий склад. Однако я считал, что и этого недостаточно. До тех пор пока корабль оставался на мели и был невредим, я изо дня в день пополнял свои запасы. Особенно удачной вышла третья экспедиция, когда я переправил на берег все снасти, канаты, тросы, бечеву и парусину. Большой парус я разрезал на куски и позже перевез по частям. Затем я собрал письменные принадлежности, книги, посуду и всевозможные мелочи: от пуговиц до ниток, иголок и наперстков.

Еще одна неожиданная находка меня обрадовала. Я в очередной раз обследовал корабль, уже уверенный, что там ничего стоящего нет. И вдруг обнаружил на камбузе большую бочку с сухарями, три бочонка рому, ящик с сахаром и мешок превосходной муки, которая не была испорчена водой, как многие другие продукты. Сухари я вынул из бочки и, завернув в куски парусины, вместе с остальной добычей перевез на свой склад.

Оставалось забрать железные и деревянные части корабля, которые я был в состоянии снять. Для этого, дождавшись отлива, я снова пустился вплавь. Из оставшихся рей я соорудил широкий специальный плот совсем другой конструкции, что заняло несколько часов. Погрузка тяжестей оказалась нелегкой и небыстрой, вдобавок я прихватил толстые якорные канаты – их также пришлось разрезать на части. Наконец я отчалил, но удача в этот раз от меня отвернулась. Войдя в бухточку, я не сумел справиться с громоздким и неповоротливым плотом – он перевернулся, и я вместе с грузом оказался в воде. Случилось это недалеко от берега, поэтому мне ничего не стоило выплыть, но все добытое с таким трудом пошло ко дну. Особенно я жалел о железе; впрочем, когда наступил отлив, я вытащил на берег большую часть каната и несколько листов железа. Для этого мне пришлось нырять несчетное количество раз.

Несмотря на то что я перевез уже почти все, что было возможно, мне по-прежнему не хотелось расставаться с кораблем. Когда я снова вплавь отправился в двенадцатую – и последнюю – свою экспедицию, неожиданно поднялся ветер. Однако я не обратил на это никакого внимания. Раньше я лишь бегло осматривал капитанскую каюту, теперь же, открыв шкаф, обнаружил в нем два глубоких ящика. В одном из них я нашел пару бритв, большие ножницы и дюжину приличных ножей и вилок; в другом – деньги.

² Мангры – заросли вечнозеленых деревьев и кустарников с надземными дыхательными корнями.

Я усмехнулся. К чему мне здесь этот ненужный хлам? Он не стоит и одного ножа, лежащего в моей палатке... Тем не менее я взял деньги с собой, сложив в парусиновый мешочек, который пару дней назад сшил на берегу. Все остальное я завернул в парусину и поместил в заплочный мешок побольше.

Ветер усилился настолько, что оставаться на корабле стало опасно. Не теряя времени, я спустился за борт и поплыл. Плыть было тяжело из-за груза и встречного течения, но я все-таки добрался до берега и поспешил к палатке. Позади шумело и пенилось море. К счастью, уже через несколько минут я находился в своем убежище.

К вечеру разразился настоящий шторм. Я провел беспокойную ночь, а когда утром выбрался из палатки, то без всякой радости обнаружил, что наш многострадальный корабль исчез. Единственное, что утешало, так это мысль о том, что мне удалось перевезти с него великое множество необходимых для жизни вещей.

От корабля остались одни обломки. Впоследствии волны выбросили их на берег. Я же был занят другим. Место, где я разбил палатку, совершенно не годилось для постоянного жилья, ибо не могло защитить меня от прихотей погоды. Оно находилось слишком близко к морю, в низине, открытой лучам палящего солнца, а главное – рядом не было источника пресной воды. Перенести палатку или вырыть землянку? Я должен был найти верное решение, но еще до того следовало отыскать на острове такой уголок, где были бы все необходимые условия. Какие? Во-первых, это должна была быть местность с родником, не болотистая, но защищенная от зноя, недоступная для хищных зверей и, что очень важно, расположенная так, чтобы я мог видеть море. Надежда, что какое-нибудь судно, проплывая мимо острова, подберет меня, не давала мне пасть духом и придавала сил.

После долгих поисков я наконец-то обнаружил лужайку у подножия крутого холма, один склон которого поднимался совершенно отвесно. Спуститься на лужайку с вершины было невозможно; кроме того, в нижней части склона я заметил углубление, похожее на пещеру. Место было сухое, защищенное от прямых солнечных лучей, заросшее луговой травой. На этой зеленой поляне площадью около ста квадратных ярдов я и решил устроить свое жилище. Лужайка полого спускалась в низину, к берегу моря, склон смотрел на северо-запад, и оттуда хорошо был виден закат солнца.

Прежде чем ставить палатку, я очертил перед пещерой полукруг диаметром в двадцать ярдов и вбил вдоль него два ряда крепких заостренных кольев. Мой частокол достигал в высоту пяти футов, между рядами кольев оставался просвет около шести дюймов. Весь этот промежуток я заполнил обрезками канатов, а изнутри для прочности укрепил свою ограду подпорками.

Работа эта заняла немало времени. Несколько дней я провел в роще. Там я рубил сучья, обтесывал и заострял колья, а затем переносил их на поляну. Однако начало было положено.

Глава 12

Коза и козленок

Сразу за внешним краем моего частокола начинался спуск в низину. Частокол был сплошным, вместо калитки я использовал приставную лестницу наподобие корабельного трапа. По ней я перебирался через ограду, а ночью втаскивал ее внутрь. Так я чувствовал себя в полной безопасности. Огромных усилий стоило мне перенести на новое место жительства все мое имущество. Я сложил его у подножия холма и только после этого принялся ставить палатку. Чтобы защитить себя от тропических ливней, я сделал ее двойной – сначала разбил одну поменьше, а над ней поставил большую, которую еще и накрыл сверху брезентом. Между самыми прочными палаточными подпорками я прикрепил подвесную койку, принадлежавшую помощнику капитана. Теперь моя постель была удобной и теплой.

Следующим делом стало заполнение моего нового жилища всем необходимым. Я перенес туда продукты, которые нужно было уберечь от сырости, одежду, посуду и все прочее, что могло мне понадобиться. Покончив с этим, я начал рыть в углублении холма, которое поначалу принял за пещеру, что-то вроде погреба. Земля там оказалась рыхлой, без камней, перемешанной с небольшим количеством песка; вынутый грунт я переносил на лужайку и равномерно рассыпал, покрывая траву слоем в полтора фута...

Понадобились месяцы труда и невероятные усилия, чтобы довести до конца столь трудоемкую работу. За это время произошло событие, заставившее меня отложить все дела. Я еще не успел поставить палатку, весь мой скарб грудой был свален на траве, когда внезапно разразилась короткая, но сильная гроза. Я мигом накрыл парусом вещи, юркнул под него сам и вдруг весь сжался от мысли, что молния может угодить в бочонки с порохом. Я не думал о собственной гибели – мне было страшно потерять то, от чего зависели моя безопасность и возможность добывать пропитание. Поэтому, когда дождь прекратился, я первым делом принялся шить мешочки из парусины и сколачивать небольшие ящики для хранения пороха. Чтобы спрятать разделенный на части порох в разных местах, мне пришлось потратить несколько дней.

Несмотря на бесконечные труды и хлопоты, мне все равно приходилось выбираться за ограду, чтобы обследовать окрестности и охотиться. В первую свою прогулку я сделал неожиданное открытие: на острове водятся козы. Однако животные оказались такими пугливыми и проворными, что приблизиться к ним было почти невозможно. Надеюсь, что мне удастся подстрелить хотя бы одну из них, я стал более внимательно следить за козами и отметил любопытную особенность: животные не замечали меня и мирно паслись, когда я наблюдал за ними откуда-нибудь сверху.

Как-то в полдень, взобравшись на пригорок, я обнаружил в низине небольшое стадо коз. Первым же выстрелом подстрелив крупную козу, я бросился вниз. Убитое животное неподвижно лежало на траве, а рядом, растерянно блея, топтался маленький козленок. Я взвалил козу на плечо и понес к палатке, козленок же побежал за мной. Я понадеялся вырастить его и приручить, но из этого ничего не вышло – сосунок ничего не ел из моих рук и таял на глазах...

Еще одной заботой стало устройство очага. Кроме того, нужно было запастись достаточным количеством дров. Я непрерывно размышлял о том, что меня ожидает в будущем. Одиночество на необитаемом острове вынуждало меня все время вести борьбу за выживание. Но когда я, устав за день, забирался в палатку и укладывался спать, мрачные мысли одолевали меня, не давая покоя. Мой остров лежал вдали от главных маршрутов торговых судов, и я подозревал, что никогда не увижу ни одного корабля. Неужели мне придется состариться именно тут, в дикости и безвестности, и в конце концов достигнуть бесславного финала – смерти? Я роптал на судьбу, забывая, что сам был виновником собственных злоключений.

И тут же меня обжигал стыд за свое малодушие, которое казалось мне позорным. Сердце мое горевало, а рассудок упрекал. «Конечно, – говорил мне голос разума, – ты, Робинзон, находишься в незавидном положении. Но где те, что были с тобою? Почему они мертвы, а ты один остался в живых? За что тебе такая милость? Как ты считаешь, кому из вас лучше?»

Сидя на склоне, я смотрел, как багровое солнце спокойно уходит за горизонт, вдыхал полной грудью чистый прохладный воздух и слушал шум моря. Издали донесся громкий крик кваквы³ – птица охотилась за лягушками; устраивалась на ночь в своем гнезде каравайка, шуршали в зарослях кустарника грызуны, переругивались попугаи, затихли колибри; и я был счастлив, что остался жив. Мне было радостно, оттого что я обеспечил себя почти всем необходимым, не растерялся и не поленился перевезти его с корабля. Каково бы мне пришлось сейчас, если бы корабль не сел на мель так близко к острову? Я хорошо запомнил свою первую ночь на развилке дерева... Теперь у меня всего вдоволь, и особенно я был доволен наличием ружей; когда придет конец запасам пороха и зарядов, подумалось мне, я найду способ обойтись без оружия и придумаю средство, чтобы добывать себе пропитание.

Где-то на десятый день моей жизни на острове я понял, что вскоре потеряю счет времени. Когда я сюда попал, было, помнится, тридцатое сентября, период осеннего равноденствия⁴. Но в этих широтах солнце стоит прямо над головой, и его высота над горизонтом почти никогда не меняется. Вбив большой деревянный столб напротив того места, куда выбросило нашу шлюпку, я вырезал на дощечке надпись: «Здесь я ступил на берег 30 сентября 1659 года» и приколотил дощечку к столбу. На столбе я каждый день делал зарубки: шесть коротких, седьмую, воскресную, – подлиннее. Зарубки, обозначавшие первый день месяца, я делал еще длиннее и глубже. Теперь у меня был календарь.

Гораздо позже, разбирая привезенные мною с корабля сундуки, я нашел-таки среди них бумагу и чернила. Циркули, компасы, навигационные приборы, подзорная труба, географические карты и книги по навигации лежали на самом дне. Кроме того, я тогда захватил и кое-что из собственного багажа: несколько книг на португальском языке, в том числе и молитвенник, тетради и прекрасно изданную в Англии Библию.

³ Кваква – птица семейства цапель.

⁴ Осеннее равноденствие начинается 23 сентября.

Глава 13

Терпение и труд

У нас на корабле были две кошки и собака.

Кошек я перевез на берег еще на первом своем плоту, а пес просто прыгнул в воду и поплыл вслед за мной. Долгие годы он верно служил мне и был добрым товарищем, дарил минуты радости и заменял общение с людьми. Мы понимали друг друга с полувзгляда; единственное, чего мне недоставало, так это то, что пес не мог говорить.

Я решил записывать все, что со мной происходило, и всячески экономил чернила, хотя понимал, что со временем они все равно закончатся, а вместе с ними придет конец и моим записям.

Время шло, и я лишился ниток, иголки затупились и сломались, одежда истрепалась; несмотря на большой запас всевозможных вещей, мне многого не хватало. У меня, например, не было ни лопаты, ни заступа, ни кирки; мне нечем было обрабатывать почву, – а я подумывал заняться земледелием.

На то, чтобы окончательно устроиться на острове, содержать в порядке мой склад и еще более основательно укрепить ограду, понадобился почти год. Самая трудная и изнурительная работа заключалась в том, чтобы нарубить в роше толстых сучьев и молодых стволов, обтесать, распилить, а затем дотащить до площадки. Вбивая колья изгороди, я поначалу использовал увесистый сук, но затем вспомнил, что у меня есть железный лом, и дело пошло намного быстрее. Впрочем, особенно спешить мне было некуда. Покончив с частоколом и погребом и приобретя надежную крышу над головой, я стал чаще обычного бродить по острову с ружьем в надежде подстрелить какую-нибудь дичь. Именно тогда я и принял решение записывать в дневник все, что ежедневно происходило со мной...

Вначале, словно в бухгалтерской книге, я перечислил все отрицательные и положительные стороны своей нынешней жизни. Я беспристрастно сопоставил злое и доброе, горестное и отрадное, плохое и хорошее:

ПЛОХО

Я волею судьбы заброшен на необитаемый остров, и у меня нет никакой надежды на избавление.

Я отрезан от мира, и меня мучит мысль, почему это случилось именно со мной.

Я лишен человеческого общества подобно преступнику в одиночной камере и обречен на нравственные страдания.

У меня мало одежды, скоро она износится, и тогда мне нечем будет даже прикрыть свое тело.

Я беззащитен перед нападением людей, зверей и от всяких природных бедствий.

Меня некому утешить, мне не с кем даже поговорить.

ХОРОШО

Я не погиб подобно моим спутникам, я — жив.

Тот, кто спас меня, единственного из всех, поможет мне и в будущем.

Я не умер с голоду, нашел в себе силы бороться и бросил вызов судьбе.

Я в пустынном краю с жарким климатом. Одежда мне нужна, однако не настолько, насколько в ней нуждаются в цивилизованном мире.

Мой остров оказался безлюдным, и я не видел тут за целый год ни одного крупного хищника и не пережил никаких бедствий.

Это очень горько, но Господь сотворил чудо, и я с благодарностью смирился со своим положением.

Эта первая запись свидетельствовала, что в любой ситуации, в какой бы ни оказался человек, есть свои минусы и плюсы. Когда я понял, что помощи ждать неоткуда, и перестал пристально всматриваться в морской горизонт, то жизнь с ее ежедневными хлопотами и заботами полностью захватила меня. Я даже стал находить в ней приятные стороны и маленькие радости...

Моя палатка уже была приспособлена для жилья. С частоколом я покончил, и теперь мое обиталище выглядело как укрепленный форт. С внешней стороны я насыпал вдоль частоккола земляной вал высотой в два фута. Кроме того, я соорудил навес из ветвей, и мой дворик оказался как бы под кровлей, защищавшей его от дождя. Так как вещей у меня было превеликое

множество и они загромождали палатку, я принял решение углубить пещеру, где находился мой погреб. Кроме погреба мне нужна была просторная кладовая. Опыт у меня был, и работал я легко, вынося, как и прежде, вынутую землю наружу. Теперь я знал, что хищников опасаться не стоит, и мне в голову пришла мысль прорыть еще и подземный ход, ведущий за пределы ограды. Я осуществил задуманное, и у меня получилась сводчатая галерея, которая впоследствии служила мне не только дорогой к палатке, но и значительно расширила мою кладовую. Я постоянно пользовался своим потайным ходом, возвращаясь с охоты или с берега моря.

Когда с кладовой и подземным ходом было покончено, я принялся за изготовление мебели, прежде всего стола и стульев, без которых я так и не привык обходиться. Я не мог ни пообедать как следует, ни сделать запись в дневнике, ни отдохнуть, особенно если погода стояла сырая и дождливая. До этого я никогда в жизни не столярничал, но деваться было некуда – за что только ни возьмешься, если испытываешь потребность в той или иной вещи! Я умел вычислять и рассчитывать, имел инструменты, остальное же зависело от моего трудолюбия и терпения.

На стол и пару стульев пошли короткие доски и бортовая обшивка – их я привез с корабля; когда эта мебель была готова и расставлена в палатке, я принялся за полки и скамью для кладовой. Корабельные доски я употребил все до единой, поэтому новые мне пришлось изготовить самому с помощью пилы, топора и рубанка. Именно эти простые инструменты помогли мне соорудить массу нужных вещей, хотя никто до меня не столярничал таким образом и не тратил на это столько времени. Мне снова приходилось отправляться в рощу, выбирать подходящее дерево, валить его, очищать ствол от веток, распиливать на доски и только затем обрабатывать рубанком.

Полки я приладил в погребе и кладовой, одну над другой, в несколько рядов, на скамье расставил ящики и бочонки, а в кладовой разложил по полкам свои инструменты, гвозди, бурав, молоток и прочую мелочь. Также я вбил в стены деревянные кольшки – для ружей.

Если бы мои владения посетил гость, мне не пришлось бы краснеть: у меня все было под рукой и в полном порядке, сияло чистотой, и я не стал бы скрывать, что горжусь собой. Размышляя, я увлекся и стал мечтать о том, как когда-то смогу показать кому-нибудь плоды своего труда. Я был готов принимать желаемое за действительное: однажды, когда я сидел на берегу моря, мне даже показалось, что у самого горизонта промелькнул парус. Сердце мое сжалось, и я горько расплакался. Сквозь слезы я жадно всматривался туда, где по-прежнему было пусто, – как вчера, как много дней подряд...

По завершении благоустройства моего дома жизнь вошла в привычное русло и потекла своим чередом. Я начал свои записи и вел дневник до тех пор, пока не иссякла последняя капля чернил.

Глава 14

Дневник Робинзона

30 сентября 1659 года

Наш корабль попал в шторм и сел на мель возле неизвестного побережья. Было принято решение пересечь в шлюпку и попытаться достичь берега, однако нас постигла катастрофа – шлюпка перевернулась и экипаж погиб. В живых остался я один, несчастный Робинзон Крузо. Меня, полуживого, выбросило волнами на остров, который я назвал островом Отчаяния.

Ничего, кроме гибели, ждать не приходилось – голодный, оборванный, обессиленный, без малейшей надежды на чью-либо помощь, я проклинал свою злосчастную судьбу. Когда наступили сумерки, я все же нашел в себе силы отыскать крепкое дерево, взобраться на него и устроиться на ночлег. Я опасался быть растерзанным хищниками. Буря стихла, пошел дождь, но я крепко проспал всю ночь.

1 октября

Я проснулся рано и с удивлением обнаружил, что нахожусь в таком месте, откуда хорошо виден наш корабль. Вскоре я понял, что, дождавшись отлива, смогу до него благополучно доплыть. Это чрезвычайно обрадовало меня, но одновременно и опечалило. С одной стороны, я теперь мог перевезти на берег сохранившиеся продукты и необходимые мне вещи; в то же время, думал я, останься команда на судне, возможно, всем удалось бы избежать гибели. Мы бы переждали бурю и нашли способ добраться до какой-нибудь обитаемой земли. Мне было мучительно жаль моих товарищей... Я предпринял попытку попасть на корабль, и моя вылазка закончилась успешно. Дождь продолжался весь день, но ветер совершенно прекратился.

2–24 октября

Все эти дни я был занят тем, что переправлял на берег все, что могло бы пригодиться мне для жизни на необитаемом острове. Я следил за приливами и отливами и учился строить плоты. Наряду с периодами ясной погоды порой подолгу шли дожди – в этих широтах в такое время наступает сезон дождей.

20 октября

В одном из последних рейсов плот опрокинулся, и все, что было на нем, пошло ко дну. Но поскольку это случилось недалеко от берега, я дождался отлива и, хотя и с трудом, смог поднять со дна бóльшую часть железных изделий.

25 октября

Шквальный ветер сотрясал остров целую ночь, а наутро я увидел, что наш корабль разнесло в щепки, – вблизи отмели, на которую он сел, плавали только обломки, а часть остова выступала из воды, когда начинался отлив. Весь день я хлопотал на берегу над спасенным мною добром – укрывал парусиной и брезентом, чтобы ливень ничего не испортил.

26 октября

Отправился на поиски удобного места для жилья и к вечеру наконец-то нашел то, что мне требуется. У подошвы холма я очертил полукруг большого диаметра, чтобы соорудить ограду. Это будет двойной, укрепленный внешней насыпью частокол.

26–30 октября

Прилежно трудился, несмотря на проливные дожди. Переносил свое имущество с берега на новый участок. Начал постройку ограды.

31 октября

Утром прошелся с ружьем по окрестностям в надежде подстрелить какую-нибудь дичь на обед, а заодно осмотрел местность. Добыл дикую козу, детеныш которой увязался за мной. К сожалению, выкормить козленка-сосунка мне не удалось.

1 ноября

Разбил под склоном холма просторную палатку, закрепил внутри подвесную койку и впервые сладко проспал в ней целую ночь без снов.

2 ноября

Собрал и сложил в одном месте все добытое мною на корабле дерево: ящики, доски и бортовую обшивку, а также бревна, из которых я строил свои плоты.

3 ноября

Подстрелил двух птиц, очень похожих на уток; их мясо оказалось нежным и вкусным. Отобедав, начал мастерить стол.

4 ноября

Свое время я распределяю таким образом: с утра, если стоит подходящая погода, отправляюсь на пару часов поохотиться. Подстрелив добычу, возвращаюсь домой и готовлю еду. Затем перекусываю, отдыхаю. После обеда, когда спадает влажная жара, принимаюсь за работу. Такого распорядка дня я стараюсь держаться постоянно. Продолжаю столярничать, и хотя сначала я был неумелым мастером, позже заметно продвинулся в этом ремесле. Думаю, что с каждым на моем месте произошло бы то же самое.

5 ноября

Взял с собой на охоту собаку. Подстрелил дикую кошку, ее мясо не годилось в пищу, зато шкурка была мягкой и пушистой. Я почти всегда снимал шкуру с добытого зверя, высушивал и хранил ее. Возвращаясь вдоль берега моря, видел множество разнообразных морских птиц; из них я узнал только чайку, фазана и олушу – остальные мне были неизвестны. Мой пес прыгал по мелководью и лаял на зеленую черепаху, из мяса которой можно приготовить отменный суп. Однако поймать в воде такую черепаху нелегко, нужно дожидаться, когда она выберется на прибрежный песок, чтобы отложить яйца. В отдалении заметил парочку тюленей, которые ныряли и резвились.

6 ноября

После обычной утренней прогулки принялся за отделку стола. Работу закончил, но остался ею не вполне доволен. Однако спустя несколько месяцев так набил руку, что смог исправить все свои ошибки.

7 ноября

Погода понемногу устанавливается. Тржусь над стулом. Последующие три дня и часть понедельника, пропустив воскресный день для отдыха, продолжал это занятие. Самым трудным оказалось придать стулу нужную форму и высоту. Несколько раз все приходилось начинать заново. Надо сказать, что в дальнейшем я перестал соблюдать воскресенье, потому что однажды забыл отметить его в своем календаре и сбился в подсчетах.

13 ноября

Снова шел тихий, теплый дождь, после которого повеяло свежестью. Потом тучи сгустились, загредел гром и разразилась короткая, но сильная гроза. Я испугался, что мой порох может воспламениться от попадания молнии. После грозы я решил высыпать его из бочки, разделить на небольшие части и спрятать в разных местах. Потеря сразу всего пороха могла лишить меня возможности охотиться и пополнять запасы провизии.

14–16 ноября

Все это время я занимался изготовлением ящиков и шитьем мешочков для хранения пороха. Затем наполнил их и спрятал как можно дальше один от другого. В эти же дни убил крупную, неизвестную мне птицу, чье мясо оказалось очень вкусным.

17 ноября

Начал было расширять пещеру в склоне холма за палаткой, но временно прекратил это занятие. Мне не хватает места в кладовой, но для такой работы нужны хотя бы лопата, кирка, а также тачка или большая корзина, а у меня их нет. Долго раздумывал, чем все эти орудия заменить. Попробовал долбить стену железным ломом; получилось, но лом тяжеловат для такой работы, и поэтому требуется слишком много усилий и времени. Вернулся в палатку и лег спать в огорчении, потому что не представлял, как выйти из этого положения.

18 ноября

Отыскал в лесу небольшое вечнозеленое бакаутовое дерево, которое в Бразилии называют «железным». Из его необыкновенно прочной древесины изготавливают некоторые части кораблей. С большим трудом срубил его, затупив топор, – слава богу, что он у меня не один. Отколол от ствола подходящего размера брус и едва дотащил до участка, так как он был невероятно тяжел. Но лопату я все-таки сделал! Это занятие отняло у меня уйму времени и сил; думаю, ни у кого в мире не было подобной лопаты, и даже держак вышел не хуже, чем делают в Англии. Лопата, хоть и недолго, прослужила мне верой и правдой.

Мне все равно недоставало корзины или тачки. Сплести корзину было не из чего – я пока еще не встречал в окрестных рощах подходящих гибких прутьев; смастерить тачку я мог бы, однако изготовить колесо для нее было мне не под силу. Пришлось заменить тачку корытом наподобие тех, в которых каменщики держат известь. На это пошли доски, прихваченные с корабля. С корытом было гораздо легче удалять вырытую землю из пещеры. Все вместе – бакаутровая лопата и корыто – отняло у меня почти четыре дня, не считая утренних часов, которые я посвящал охоте.

23 ноября

Продолжал углублять нишу в пещере. Эта работа длилась восемнадцать дней, пока я не увидел, что здесь может свободно поместиться все мое имущество. У меня имеется погреб, теперь будет и кладовая; больше того, я расширил углубление настолько, что его можно теперь использовать и как склад для вещей, и как кухню, и даже как столовую. Я по-прежнему живу в палатке, однако в случае сильных дождей могу укрыться гораздо надежнее. Для самого жаркого времени несколько позже я соорудил широкий навес на своем дворике.

Глава 15

Мешок с зерном

10 декабря

Мне казалось, что с пещерой покончено, когда неожиданно обрушилась правая часть свода именно там, где я начал рыть подземный ход. Счастье еще, что меня не придавила масса грунта, – я в это время находился в палатке. Обвал был серьезный и задал мне новую работу: нужно было убрать всю землю и укрепить свод, иначе происшествие могло повториться.

11 декабря

Два дня я только этим и занимался. Вкопал в пол пещеры две сваи и подпер свод досками крест-накрест. Затем еще в течение недели устанавливал такие же опоры в ряд вдоль боковых стен. Крепление получилось на славу!

17 декабря

Приладил в погребе полки; использовал для этого опорные столбы, вбивая в них гвозди вместо крюков. Развесил все вещи, какие только смог там пристроить. Начал приводить свое хозяйство в надлежащий порядок.

20 декабря

Перенес в кладовую всю кухонную утварь и разложил по местам. Приладил и там несколько полок; сколотил небольшой столик для того, чтобы готовить на нем еду. Досок осталось совсем мало, поэтому вместо второго стула я смастерил скамью.

24 декабря

Не выходил из палатки, потому что круглые сутки шел проливной дождь. Догрызаю остатки морских сухарей.

25 декабря

Все та же отвратительная погода.

26 декабря

Наконец-то дождь прекратился. Все кругом ожило, зелень стала свежее, воздух прохладнее, небо очистилось.

27 декабря

Утром подстрелил двух козлят, одного наповал, другого только ранил в ногу. Поймав подранка, принес домой и осмотрел. Рана оказалась пустяковой, я перебинтовал ее и выходил козленка. Со временем он стал совсем ручным, пощипывал травку у меня на участке, и я впервые задумался над тем, чтобы завести домашний скот. Тем более что порох у меня скоро закончится.

28–31 декабря

Полное безветрие, изнурительная жара. Выходил поохотиться только под вечер. Дичи мало. Все остальное время занимался домашними делами и читал.

1 января 1660 года

Жара не спадает, но я дважды, утром и вечером, ходил на охоту. Днем отдыхал. Когда уже в сумерках возвращался с охоты домой, в долине заметил стадо коз. Они такие пугливые, что к ним не подойти на выстрел. Подумал – а не натравить ли на них моего пса?

2 января

Взял на охоту собаку. Однако мой опыт не удался – стадо, как только я натравил пса на коз, двинулось на него, угрожающе выставив рога. Пес мой, бешено лая, начал пятиться, пока не струсил окончательно и не бросился прочь.

3 января

Начал укреплять внешнюю сторону частокола земляным валом. Хоть остров мой и кажется безлюдным, вероятность нападения на мое жилище все еще существует, – ведь я до сих пор не обследовал его полностью. Работа с частоколом продолжалась около четырех месяцев, потому что прерывалась непогодой и другими неотложными делами. Теперь у меня появилось надежное убежище...

Каждый день, если не было дождя, я выбирался на охоту, все дальше уходя от дома и осваивая окружавший меня мир. Я наткнулся на высокие непроходимые заросли бамбука и долго огибал их стороной, видел кокосовые пальмы, дынное дерево – папайю, дикорастущий табак, отведал плодов авокадо. Многих птиц и животных я видел впервые в жизни; особенно много попадалось шустрых зверьков с золотисто-красным мехом, похожих на зайцев. Пестрые попугаи сновали в лианах, которые поднимались своими крепкими стеблями к свету из полумрака широколиственного леса, шелестели папоротники, благоухали орхидеи, на открытых местах встречались колючие кактусы – я поражался, любуясь многообразием и красотой тропической природы.

Однажды я наткнулся на диких голубей. Они вили гнезда не на деревьях, а в расщелинах скал, так что я легко мог до них добраться. Взяв несколько птенцов, я попытался их приручить и сделать домашними. Я долго провозился с голубями, но как только птенцы окрепли, они тотчас улетели. Так повторялось несколько раз; возможно, голуби покидали мой дом, потому что у меня не было подходящего для них корма. После этого я ловил диких голубей только для собственного пропитания.

Я продолжал успешно столярничать, однако кое-что смастерить так и не смог. Мне не хватало бочек, в особенности для питьевой воды, – единственный подходящий бочонок из тех трех, что имелись у меня, был слишком маленького объема, и приходилось часто его наполнять, спускаясь к роднику. Но изготовить солидную бочку у меня не получилось.

Нуждался я и в свечах. День здесь гас мгновенно – темнота наступала около семи часов вечера. Света от очага было недостаточно. Я припомнил, как делал свечи во время моих злоключений в Африке: брал фитиль, погружал его в жир или растительное масло, зажигал и подвешивал. Затем много раз подряд обливал растопленным воском и остужал, пока не вышла толстая свеча. Воска, однако, у меня не было, и пришлось использовать козий жир. Я сделал плошку из глины, хорошенько высушил ее на солнце, для фитиля взял пеньку от старой веревки. Так у меня получился светильник. Он горел слабо и неровно, намного хуже, чем свеча, но теперь, соорудив несколько таких светильников, я мог по вечерам хотя бы ненадолго взять в руки книгу.

Еще до начала дождей, разбирая вещи, я наткнулся на мешок, в котором были остатки корма для корабельной птицы. Мешок мне понадобился для пороха, и, выйдя за палатку, я как следует вытряхнул его содержимое на землю, избавляясь от изгрызенного крысами зерна. Каково же было мое удивление, когда спустя месяц я увидел на поляне неизвестные мне зеленые ростки. К этому времени я совершенно позабыл о мешке и не помнил, где вытряхивал

его. Теперь же я стал внимательно приглядываться к стеблям. И не напрасно – они быстро подрастали и вскоре заколосились. Это был ячмень! Больше того – среди колосьев ячменя я заметил с десяток стебельков пшеницы. На моих глазах совершилось чудо – ведь в мешке, по моему мнению, оставалась одна труха, в которой похозяйничали корабельные крысы. Чудом было и то, что стоило мне пройти на два шага дальше и встряхнуть мешок в другом, более сухом и солнечном месте, пшеница и ячмень могли не взойти. Я решил поискать в округе – может быть, где-то еще на острове растут хлебные злаки, – обшарил все поляны в окрестностях, но ничего не обнаружил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.